

Жужа Д.

Очень
страшно
и немного
стыдно

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Проза: женский род

Жужа Д.

Очень страшно и немного стыдно

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Д. Ж.

Очень страшно и немного стыдно / Ж. Д. — «Издательство АСТ», 2019 — (Проза: женский род)

ISBN 978-5-17-111231-8

Жужа Д. – писатель, художник и сценарист. Окончила Академию им. С.Г. Строганова, много путешествовала, жила в Лос-Анджелесе и Париже, затем переехала в Лондон и осталась там надолго. Автор книги “Резиновый Бэби”, постоянный автор проекта “Сноб”. Ее рассказы часто становятся сценариями к фильмам: “Мама. Святой Себастьян” (2016), “Я – иду” (2018), “Изменения в жизни одной особы” (в производстве). Героиня новой книги Жужа Д. – рыжеволосая девушка без имени и биографии. Она все время попадает в странные ситуации – гуляет ли по скалам в Ирландии, целится ли из ТТ в Фиделя Кастро в Гаване или просто идет на свидание к незнакомому мужчине в Лондоне. Хитросплетения сюжета удивляют кинематографической точностью, будто сама Жужа была в центре всех этих событий – или исподтишка наблюдала за ними: оказаться пойманной – страшно, смотреть – стыдно.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111231-8

© Д. Ж., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Мистер Дом	5
Примите наши искренние извинения	15
Номер с видом на озеро	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жужа Д

Очень страшно и немного стыдно

Мистер Дом

Home, Sweet Home.

Мистер Одли проснулся от резкой боли в животе, вскрикнул и сел в кровати. Неприятное ощущение вспыхнуло и ушло, но Одли долго не решался пошевелиться, чтобы оно не вернулось. Сидел неподвижно, потом все же прилег, прислушиваясь к тому, что происходит у него внутри. Мистеру Одли в прошлом апреле исполнилось пятьдесят девять лет, он все еще был вполне интересным мужчиной – крупный, вальяжный, с плотной волной волос, граненым носом и чувственным ртом. Овал лица уже подпортили небольшие брыли, но рост и развернутая грудь, безусловно, говорили о породе.

Он осторожно повернулся со спины на бок, чтобы видеть окно – там, в паутине деревьев, небо протыкали иглы парламентских башен. Еще не рассвело, значит, нет и шести, решил мистер Одли, а завтрак Балтон подаст только в восемь. Хотелось бы еще поспать. Он подтянул одеяло до самого носа, закрыл глаза и постарался думать о чем-то приятном – вспомнил детство и отдых с матерью на Корфу, где несколько лет подряд семья снимала огромную виллу и вся пенинсула была в их полном распоряжении.

Воспоминания о Греции всегда помогали ему успокоиться. Там он был абсолютно счастливым мальчиком. Помнил сад, где к воде сбегали каменные ступени, и рошу припудренных олив в мелких серебристых листьях. Растянутые под ними сетки и редкой красоты лиловые амариллисы, которые распускались в конце лета, а через неделю исчезали, не оставляя после себя даже травы. И, конечно же, звонкое бирюзовое море.

На самом острове мыса, перед домом, где к небу тянулись пинии, на солнце грелись три гладкоствольные пушки. Они вросли в свои постаменты, словно мидии в камни, и маленький Одли играл с ними, представляя себя морским офицером. Стоял с подветренной стороны и кричал, срывая голос:

- Ба-та-рея, шаржируй...
- По команде... без кар-ту-за... за-ря-жай!
- Бань пу-шку!
- По ма-чте фор-вар-да!
- Наво-дить в подошву мачты!
- Один сна-ряд...
- Ого-о-онь!

Приставив ладонь ко лбу, наблюдал, как один за другим уходят ко дну корабли неприятеля, потом нырял в воду, пытаясь спасти затонувшие вражеские сокровища, плавал до дрожи, до синих губ и икоты, а потом, обхватив чугун тонкими руками, грелся на раскаленном пушечном боку..

Семья никогда не покидала территории своей виллы, и только по дороге из порта и обратно Одли успевал разглядеть бедные домики греков с каменными давальнями для оливок, и грушечные беленые церкви и грязные рынки.

Мать он помнил молодой статной женщиной с высокой грудью и пухлыми руками.

Ее запах, улыбка, мягкая манера двигаться – все это осталось с ним, но вот голос ее он забыл, и никак не вспоминалось то ласкательное имя, которым она его называла. Будучи

мальчиком нежным, он все хотел обнять ее, или погладить, но боялся, угадывая в этом желании что-то нездоровое, и потому стыдился.

Последним летом в Греции она вдруг превратилась в большую пузатую бабу, и ему сообщили, что скоро у него появится братик или сестричка. Был организован срочный переезд в Лондон, а потом случилось страшное: перед родами его увезли к тетке в Аскот, а по возвращении мать и новорожденную девочку уже похоронили. Вечерами сквозь слезы он слышал, как слуги ругали нерешительного доктора, а толстая горничная Бетти все повторяла: “Он, дурак, все лысину свою чесал, а мы кровь тазами таскали”. Маленькому Одли казалось, что мама и неизвестная девочка захлебнулись в этой откуда-то взявшейся крови.

Сам он детей решил не заводить. Ходил пару раз в женихах, но так ни на что и не решился.

И вот уже много лет после смерти отца жил один в огромном доме по улице Лорд-Норт, недалеко от Вестминстерского аббатства, за церковью Святого Иоанна. Дом принадлежал семье с 1849 года, тогда его приобрел предок по материнской линии, и сейчас имело смысл его продать – слишком дорого выходило обслуживание, но мистер Одли никогда бы на это не пошел, не видел никакого другого места в Лондоне, где все было бы таким родным. Он всей душой любил этот дом, здесь каждая вещь, звук и даже запах были связаны с кем-то из рода Одли или Дрейков. Иногда неделями из него не выходил, перебирал фотографии, старые документы, листал расходные книги или разбирал библиотеку, собранную не одним поколением. Здесь до сих пор невидимо жили все те, что окружали его с раннего детства. Дом заменил ему ушедших родителей. Одли привык к нему так, что волновался, даже если двигали мебель, чтобы почистить ковры или отциклевать полы. Как улитка, живущая в раковине и присоединенная к ней мышцей, он всем телом прирос к этому старому, большому дому.

Думая обо всем этом, Одли почти задремал, как вдруг в нем опять что-то шевельнулось, напомнило о недавней боли. Он открыл глаза и больше спать уже не мог. Осторожно спустился в кухню, попытался приготовить себе горячего шоколада – вчера в “Таймс” он прочитал статью о том, что содержащиеся в шоколаде химические вещества способствуют выработке в организме гормонов счастья и что с его помощью можно поднимать настроение и даже снимать боль. Статья была написана убедительно, пестрела формулами, терминами на латыни, из которых Одли узнал только кофеин.

На звон посуды проснулся Балтон, вышел из своей комнаты с сеткой на голове, хлопая заспанными глазами. И, как ни уговаривал его мистер Одли, опять лечь отказался, а наоборот, накинув халат, поднялся на второй этаж, разжег в библиотеке камин и, вернувшись, принялся хлопотать на кухне сам, бубнил, что все равно уже хотел вставать, и выпроводил Одли наверх.

Несколько дней все шло без каких-либо изменений, но однажды за обедом, когда Одли ткнул ложку в свой любимый рисовый пудинг, сильный рвотный спазм сжал его желудок, содержимое с силой рвануло наверх, хлынуло в горло, и он, зажимая салфеткой рот, едва добежал до гостевого туалета. В раковину выплеснулся весь обед, причем такими крупными кусками, словно у мистера Одли отсутствовали зубы, хотя, как ему казалось, он всегда все тщательно пережевывал. Спазмы повторялись, движение массы вверх по пищеводу вызвало новый приступ, но, выталкивая из себя содержимое, желудок не останавливался, а все скручивался, словно его стискивали железной пятерней. Во рту мистера Одли стало невыносимо горько от желчи. Балтон принес слабосоленой воды, Одли, передергиваясь,пил ее большими глотками, а желудок вновь выталкивал жидкость с остатками еды наружу. Когда, кроме воды, из него уже ничего не выходило, Одли перестал пить, но дойти сумел только до дивана в библиотеке. Балтон помог ему перебраться в спальню, уложил в кровать, принес грелку с горячей водой и позвонил доктору. Желудок мистера Одли долго еще ныл от тех конвульсий, словно был растянут и отбит.

Доктор попросил до конца дня ничего не есть, а весь следующий день пить только рисовый отвар. Если рвоты больше не будет, посидеть с неделю на сдержанной диете, последить

за стулом, ежедневно измерять температуру, звонить ему, если что-то пойдет не так, а когда к мистеру Одли вернутся силы, зайти в клинику и сдать анализы.

Из кладовки притащили старые напольные весы для муки – Одли взвесился и обнаружил, что за прошедшие после ежегодного осмотра пять месяцев он потерял девять с половиной фунтов. То-то он замечал, что ремень застегивается на нем на две дырки раньше прежнего, но думал, что это признак хорошего метаболизма и, как следствие, – отличного здоровья.

Все последующие дни мистер Одли спал плохо. Может быть, оттого что мало двигался и часто дремал днем, но ночи превратились в одно сплошное мучение. Он вертелся с боку на бок, то накрывался, то скидывал с себя одеяло и к концу недели понял, что, несмотря на то что желудок больше не болит и во рту нет неприятного вкуса желчи, несмотря на строгую диету – он ел теперь только куриную грудку, белую рыбу на пару, овощи, запеченные в духовом шкафу, и протертые супы, отказался от кофе и сигар, – в целом он нездоров. В нем завелась гадкая неведомая болезнь.

В понедельник Балтон принес от доктора направления, несколько дней пришлось потратить на анализы, а в пятницу мистер Одли уже сидел во врачебном кабинете, сверкая глазами, под которыми появились темные круги от недосыпа. Его знобило от слабости, и он, сдерживая нетерпение, зарывался подбородком в шарф и ждал, когда доктор прочтет чужие каракули и успокоит его.

Наконец доктор закончил, стыдливо поджал нижнюю губу и посмотрел на мистера Одли:

– Паниковать не стоит. Но, судя по всем признакам, у вас тениаринхоз.

– Простите?

– В вашей крови замечены незначительные отклонения от нормы: умеренная лейкопения, неустойчивая эозинофилия... Общая слабость, анемия, – доктор замолчал, чтобы набрать в себя воздуха для окончания фразы. – Все это подтверждает наличие у вас паразитического червя, так называемого гельминта. – Помолчал и добавил: – Извините.

– Что вы сказали?

– Я говорю, что у вас тениаринхоз, возбудителем которого является бычий цепень. Бычий це-пень.

Доктор, пряча глаза, полез в стол и начал шарить там руками.

– Объясните мне толком, как это могло случиться? – мистер Одли недовольно сморщился.

– Индивидуум заражается тениаринхозом при употреблении в пищу зараженного мяса, – скороговоркой опять начал доктор, его голос был похож на звук, синтезированный компьютером. – При попадании личинки в пищеварительный тракт паразит выворачивает свой протосколекс и с помощью присосок прикрепляется к слизистой оболочке. Тут же начинается процесс стробиляции, результатом чего становится формирование члеников стробилы.

Мистеру Одли на минуту показалось, что доктор вовсе не человек, а усталая машина с шевелящимися губами.

– Вы можете объяснять понятнее? – мистер Одли нетерпеливо постучал ребром ладони по столу.

Доктор кивнул и сказал нарочито громко, растягивая слова:

– В верх-нем от-деле вашей тон-кой киш-ки па-ра-зитирует гель-минт.

Мистер Одли помолчал, попробовал переварить эту новость, внимательно рассматривая свои руки, сложенные замком.

– И что же делать?

– Лечение тениаринхоза долгое время считалось задачей довольно непростой. Поскольку все применяемые раньше препараты обладали повышенной токсичностью, вызывали нарушение функций различных органов, но теперь, к счастью, появилась новая методика – гельминта

можно убить электромагнитным излучением. Сия процедура вызывает неприменную гибель паразита и гарантирует совершенную безболезненность и безопасность для больного.

Мистер Одли отвернулся к окну – слова “убить” и “гибель” вызвали у него неприятные чувства. Неужели нельзя было выразиться иначе? Доктор перестал возить руками в столе. Одли повернулся к нему.

– И сколько, вы думаете, это уже продолжается?

– Да судя по всему, уже несколько лет.

– Господи.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Хотя внутри у вас половозрелая особь, но, слава богу, мы не обнаружили подвижность его члеников.

В этой фразе доктора прозвучало здоровое превосходство, и мистер Одли поспешил его перебить.

– Когда вы готовы сделать это электромагнитное... Как это?

– Излучение. Я вас направлю к специалисту.

– А нельзя ли это сделать прямо сейчас?

– Нет. Сейчас нельзя. Для этого нужно в другую клинику. Да и там очередь на аппарат.

Но вы можете быть спокойны: никакой особой нужды торопиться нет.

– Как это? Я вас не понимаю. Он же может отложить там яйца или что там они делают.

– Нет, нет. Яйца гельминта не способны развиваться в организме человека. Для роста и образования финны, то есть личинки, необходим промежуточный хозяин – крупный рогатый скот.

– Но это же вредно, в конце концов!

– Уверяю вас, несколько дней ничего не решают. Да, он потребляет какое-то количество пищевых веществ, создавая их дефицит в вашем рационе. Это потребует восстановления. Выделяет кое-какую гадость, но это не смертельно. Отдыхайте побольше, ешьте за двоих, – тут доктор позволил себе даже улыбнуться, – а к концу недели мы его уокошим.

Одли опять неприятно резануло слух это “уокошим”, но он не стал ничего говорить, а просто терпеливо ждал, когда принтер выплюнет распечатанное направление.

– Действительно, не волнуйтесь. Никаким образом ваш гельминт не размножится. Помните: вы являетесь для него конечным хозяином.

По дороге домой Одли все думал про этого *Гельминта*. Живет один. Уже довольно долго. Потомство не производит. И даже его имя – Гельминт – звучит как Гермит – *Hermit*, отшельник.

За ужином он чувствовал, что кормит не только себя. От этих мыслей ему становилось не по себе, хотелось плакать, и все крутилась последняя фраза доктора – про конечного хозяина. Одли пытался разгадать, что доктор действительно имел в виду, когда смотрел на него с каким-то едким прищуром и не торопился избавиться от непрошеного гостя. Какой я ему хозяин? Я для него просто дом.

Ночью Одли снилось, что он плывет по безбрежному пространству воды, а в его теле, как в ковчеге у Ноя, копошатся разные твари. Он их единственный спаситель, и для такой важной миссии выбрали именно его, не кого-то другого. Несмотря на то что сон был странным, послевкусие от него осталось в целом приятным, и Одли начал день в хорошем расположении духа. Плотнo, с аппетитом поел, переоделся и вышел на прогулку в Сент-Джеймс-парк.

Что плохого в том, что какая-то живая тварь пользуется им? Что он делит хлеб свой насущный с другим божьим созданием? Это и болезнью-то назвать нельзя. А между прочим, может, благодаря Гельминту он не растолстел, как все его сверстники. И если бы не Гельминт, ходить ему грузным и обрюзгим, перебирать толстыми ногами, натирая их друг о друга, страдать одышкой, храпеть во сне и с трудом шнуровать собственные ботинки. Размышляя таким образом, Одли ощутил, что в нем пробуждается к Гельминту чувство настороженной нежности.

Одли пересек парк, завернул на Джереми-стрит, вошел в книжный магазин, отыскал там книгу про паразитов, живущих в организме человека, открыл ее и стоя прочитал несколько страниц. Внимательно рассмотрел рисунки и фотографии. Решил книгу все же приобрести и через десять минут вышел на улицу довольный, с пакетом в руке. В основном человек страдает от испражнений Гельминта, а во всем остальном присутствие его в теле не так уж и страшно. Летального исхода от этого не предвидится. Подумаешь, небольшое недомогание. А вот Гельминта как раз собираются убить. От этой мысли Одли опять стало не по себе. Он уже поднял руку, останавливая такси, но, когда машина затормозила перед ним, махнул удивленному водителю, чтобы тот ехал дальше, и пошел через парк пешком. Скорее всего, когда Одли сидит, Гельминт там согнут или пережат, ему, скорее всего, куда удобнее, если хозяин выпрямлен и идет пешком.

Как только Одли повернул в сторону парковых ворот, на небе, словно в благодарность, развели занавес туч, и на людей полилась золотая река солнца. День превратился в настоящий, весенний. Тут и там в толпе заулыбались люди, и Одли показалось, что Гельминт осторожно поглаживает его. Он почувствовал что-то щекотно-приятное в животе: в книге было описано что-то подобное, и называлось это “танец гельминта”.

После обеда мистер Одли сел посмотреть фильм и во время весьма банального конца разрыдался, как викторианская девица.

Скоро он сам себе напоминал беременную женщину, много ел, ходил с большой осторожностью, часто ловил себя на том, что поглаживает живот и разговаривает с тем, кто внутри. И когда однажды обронил купюру в пять фунтов, то не решился за нею нагнуться, а просто пошел дальше, а дома заказал специальное приспособление для стариков, чтобы доставать вещи с пола и надевать носки, не нагибаясь.

Теперь мистер Одли жил, постоянно прислушиваясь к своему телу. Его отношение к Гельминту поменялось, а в голову пришла счастливая идея. Он позвонил доктору и напросился к нему на прием.

– А можно ли его удалить из меня, – Одли помялся, – не убивая.

Доктор даже не сразу его понял.

– Что вы имеете в виду?

– Есть ли какие-нибудь методы? Чтобы не излучением, чтобы он – ну, тот, что внутри – остался жить. Чтобы извлечь его из меня живым.

– Ну что вы такое говорите. Подумайте сами. Ну, даже если мы его и вытащим живого, куда мы его денем? А? Он же так и так умрет. Что это за буддизм такой неслыханный?

– Но почему из нас двоих должен умереть именно он?

Эти слова доктору совсем не понравились, и он тут же направил Одли на прием к психиатру.

Психиатр оказался дерганным человеком средних лет с тиком нижнего века и такой же подвижной психикой. На его малюсенькой лысой голове лицо выглядело карандашным наброском, столько там было всяких линий. Кожа вокруг равнодушных глаз заламывалась в глубокие складки, под безвольным подбородком болталось что-то вроде зоба – такая говорящая рептилия. Он начал с нудного выяснения, почему из предложенных мест мистер Одли выбрал именно это кресло, а не диван и не стул у окна. Одли не понимал, какое это имеет отношение к его проблеме, сделался раздраженным и все остальное слушал уже невнимательно. Впервые, психиатр не понравился ему внешне, а уж когда тот сослался на использование методов гештальт-терапии, то и вовсе потерял доверие нового пациента: Одли на дух не переносил ничего немецкого. Остаток сеанса он обращался к доктору пренебрежительно – теряя контроль над ситуацией, психиатр краснел, потел, выглядел все более непрезентабельно, и мистер Одли сделал для себя вывод, что больше на прием не пойдет. И это его решение бесповоротно.

Прочитав несколько пацифистских статей, мистер Одли принял решение не торопиться с жестокой процедурой убийства и разрешил Гельминту пожить еще чуть-чуть. Он позвонил доктору и перенес унизительную для себя казнь на неделю, а пока решил побаловать приговоренного и по возможности скрасить его последние деньки. Он стал еще более щепетильно выбирать качество потребляемой еды: ходил в лучшие рестораны, вместо того чтобы сидеть, всегда старался прилечь и завел себе привычку перед сном выпивать чашку теплого молока. Словно Гельминт, живущий у него внутри, был котенком или щенком. Ему казалось, что молоко должны любить все твари без исключения. И, судя по тому, что никаких приступов более не повторялось, а, наоборот, легкие щекотные поглаживания внутри участились, Гельминту все это, несомненно, нравилось.

Эта реакция со стороны проживающего внутри него жильца так растрогала Одли, что, покупая новый домашний халат, вместо своих инициалов он заказал вышить на нем идиому *Home, Sweet Home*. Эта шутка позабавила его самого, и, если бы Гельминт мог читать, он бы, несомненно, ее оценил.

Всю последнюю перед процедурой неделю мистер Одли старался не смотреть фильмов с трагическим концом и остерегался таких, где было даже незначительное насилие. Обычно выбирал комедии или мюзиклы. Несколько раз начинал было знакомить Гельминта с изобразительным искусством, но современное оказалось явлением довольно кровавым, а старина пестрила библейскими сюжетами, – он прекратил и это. Предпочел живописи литературу и, чтобы подопечный все понял, заказал ему подборку лучшей детской классики. Красивые шесть томов в кожаных переплетах встали на каминной полке, и он взял за правило не менее часа читать Гельминту вслух перед сном. Книжки для детей удивили мистера Одли ничуть не меньше живописи – они были душераздирающе страшны. Там все пытались друг друга съесть или заколдовать, красивых королевских отпрысков превращали на многие годы в чудищ, рыцари безостановочно дрались, красавицы травили друг друга, колдуньи, пытаясь затащить хоть кого-нибудь в печь, оказывались там сами, звери говорили на человеческих языках и страдали не меньше. Одли понял, что читать все это беззащитному существу, которому до смерти оставалось всего ничего, по крайней мере неприлично.

Нельзя сказать, что нахождение Гельминта внутри мистера Одли совсем не сказывалось на здоровье, – иногда у него кружилась голова, проявлялась общая слабость, аппетит то ненормально повышался, то, наоборот, совершенно отсутствовал, случались рассеянные боли в животе. Постоянно звонил доктор и упрекал его в слабости, хотя это была скорее чувствительность. Вскоре, совсем измаявшись от размышлений, он нашел стговорчивого хирурга и настоял на том, чтобы тот извлек Гельминта, не убивая, так как несчастный совсем не виноват, что его сожрали в младенчестве. Семейный же врач оказался этим страшно недоволен, опять говорил про здравый смысл и про то, что доброе сердце не может нанести зло своему же физическому телу, но убедить Одли не сумел и в конце концов попросил прислать подписанное письмо об отказе от процедуры с применением высокочастотного электромагнитного излучения.

Операцию назначили на утро. Гельминта должны были вырезать с небольшим фрагментом кишки мистера Одли, к которому тот был прикреплен. Извлечение прошло вполне благополучно, и уже на следующий день Одли отправился домой, а вместе с ним больницу покинул и Гельминт в банке со специальным раствором.

Дома удалось рассмотреть его как следует.

Гельминт был похож на мятый портяжный метр. Грязно-кремовый, к хвосту разделенный на квадратные сектора. Ничем особо не примечательный, плоский и вялый – почти жалкий. Одли даже разочаровался – он ожидал увидеть нечто более активное. Но чувство жалости тут же трансформировалось в чувство ответственности. В связи с этим Одли развел вокруг под-

опечного бурную деятельность – заказал у стеклодува аквариум в виде стеклянного змеевика, повторяющего форму человеческой кишки. Его заполнили раствором, близким по составу той самой жидкости, которая заполняла внутренности Одли, – и даже место сконструировали, куда Гельминт должен был присосаться. Получившийся агрегат, похожий на нечто среднее между музыкальным инструментом и самогонным аппаратом, упаковали в большую подогреваемую емкость и поместили во внушительных размеров кукольный дом, обитый внутри красным бархатом с подсветкой. Разместили сооружение в кабинете мистера Одли, чтобы, распахнув игрушечные стены с колоннами и фронтоном, он мог в любой момент видеть, как там тихо переливается жидкость и чуть заметно колыхается Гельминт.

Мистер Одли был очень доволен происходящим. Нанял аспиранта факультета биологии следить за всем этим хозяйством – за качеством раствора, питанием, температурой, – а по вечерам, дождавшись, когда все разойдется, включал радиоприемник на канале “Радио Классика”, усаживался рядом в кресло и часами наблюдал за своим подопечным.

Прочитав от корки до корки купленную книгу, мистер Одли теперь знал, что Гельминт при правильном уходе может прожить лет двадцать и вырасти в крупную особь.

Однажды, когда аспирант опоздал на двадцать минут, мистер Одли устроил ему выволочку – говорил об этике взаимоотношений, о чувстве вины, которое, по его мнению, должно усугубляться тем, что его подопечный полностью от него зависит. Корил за невежественную забывчивость, называл его неблагодарным и бесчувственным, и, когда наконец аспирант, оправдываясь, вяло пробубнил что-то вроде: нельзя же так, это же в конце концов просто червь, – мистер Одли разразился тирадой.

– Червь? Да что вы такое говорите?! Че-е-ервь. И говорите-то как-то особенно неприятно! Вы же в науке работаете. Ученым себя считаете. Все эти так вами называемые червяки поумнее вас будут. Вот знаете ли вы, что некоторые из них, – он говорил, размахивая руками, – вылупляясь в голове рыбы, выедают ту часть мозга, которая заведует пузырьком, и рыба больше не в состоянии опуститься вниз – так и плавает, торчит из воды, ходит кругами, а утонуть не может. И что, спросите вы как никудышный ученый. А то, что так ее быстрее съест птица и в свою очередь распространит с испражнениями ее личинки. И после этого вы мне говорите, что они ничего не понимают. Да бросьте, ей-богу. Если вы считаете эти действия бессмысленными, то тогда мы с вами от этих самых, как вы же сами выражаетесь, червей недалеко отошли. Что мы сами делаем такого отличимого от действий так называемого червя, кроме того, что пытаемся выдавить собственную сперму в любую самку, которую нам удастся уломать?

Мистер Одли так надулся и покраснел во время этого монолога, что до смерти напугал Балтона, который поднялся к нему с приглашением на ланч. Аспирант стал молчаливее и точнее – похоже, он понял, что от него хотят, или же просто боялся мистера Одли. Но было неважно, отчего он переменялся, главное, что теперь он выполняет свои обязанности качественно, и то, что аспирант иногда так странно смотрит, так это его личное дело. Мистеру Одли абсолютно наплевать, о чем думает про себя этот студент или кто он там еще, – главное, чтобы Гельминту было хорошо и сохранно.

И только все нормализовалось, вылилось в заведенные правила, как однажды, вернувшись с прогулки чуть раньше обычного, Одли застал аспиранта и Балтона у входа в свой кабинет – они выразительно шептались и замолчали, как только он появился. Одли тогда ничего не сказал, не подал виду, но определенные подозрения у него возникли. Что это за тайные переговоры? Что за секреты за его спиной? Может быть, это заговор против него? Но зачем? И только позже он понял, что заговор этот мог быть совсем не против него, а против Гельминта. Конечно, Балтон ревнует Одли к новому компаньону, и, конечно же, в его интересах сделать все, чтобы Гельминт исчез. А аспирант легко может ему в этом помочь. И сделать это необычайно просто – либо отключить обогрев, либо не заменить вовремя раствор или устроить какую другую каверзу, да так, что никто никогда не разберется.

Мистер Одли вызвал аспиранта в библиотеку на разговор и прозрачно намекнул, чтобы тот не думал, что все сойдет ему с рук. Ведь если что-нибудь случится с Гельминтом – отвечать он будет своею собственной головой.

На это аспирант кивнул, снял халат, сказал, что он больше работать не намерен, повернулся и вышел вон из комнаты. Мистер Одли даже растерялся. Он считал, что то, чем они занимались, необходимо им всем и такое пренебрежительное отношение к делу непозволительно. Но вскоре расстройство сменилось уверенностью, что, значит, человек был не настолько предан делу, то есть недостаточно надежен, и нечего о нем жалеть. Он тут же позвонил в университет королевы Мэри, и скоро аспиранта заменил человек со стажем. Новый биолог был вдвое старше, имел изувеченное кислотой лицо – но Одли навел справки и узнал, что эта порча никаким образом не связана с его неопытностью или неаккуратностью. Это произошло много лет назад по нелепой случайности. Одна из работниц заподозрила своего любовника в измене, украла со склада серную кислоту, вошла, опьяненная мстью, в мужскую туалетную комнату, окликнула неверного – и плеснула ему кислотой в лицо. Но вендетты не вышло – облитым оказался совсем другой человек. Любовник остался цел и невредим, а биолог, и без того не пользующийся успехом у женщин, стал объектом для них совершенно непривлекательным. Половина его лица была словно вымазана овсянкой. А еще у него была идиотская привычка тонко сипеть оперные арии, но под строгим взглядом мистера Одли биолог научился быстро замолкать и только недовольно цокал языком, когда из него рвался очередной шедевр. В остальном это был человек степенный и в высшей степени надежный.

Несколько недель пролетели тихо и спокойно, пока однажды не произошло следующее. После ланча мистер Одли листал у камина журнал Лондонской библиотеки, когда из кабинета раздалось нытье биолога, отдаленно напоминающее романс Неморино из “Любовного напитка”. Одли любил эту наспех написанную оперу. Он отложил чтение и подумал о том, что давно уже не был в театре и стоит туда, пожалуй, сходить.

Однажды, кажется на “Травиате”, через проход от него сидел человек, по всей видимости, слепой, с собакой-поводырем. То есть человек сидел в кресле, а собака – у самых его ног. Очень тихо сидела. А потом воспитанно прилегла, положив голову на вытянутые вперед лапы. И почему бы Одли не посетить какую-нибудь премьеру с Гельминтом? Конечно, нужно будет заказать для этого походный аквариум, и это встанет в круглую сумму, но наслаждение, которое ждет их обоих, несомненно, окупит все затраты. Размышляя таким образом, мистер Одли решил уже было позвонить стеклодуву, но никак не мог вспомнить номера, так что Одли сморил послеобеденный сон, который прервался через час – осторожным стуком в дверь. Сначала он не понял, что стук настоящий, – так органично тот вплелся в сновидение, что Одли какое-то время действительно казалось, будто судья в зеленой мантии и лиловом парике стучит молотком по кафедре, – и только когда стук повторился в третий раз, мистер Одли проснулся.

Стучал биолог, потом долго извинялся и сообщил, что с Гельминтом не все в порядке: он вял, не реагирует на тепло, и биолог серьезно опасается за его здоровье. Мистер Одли вскочил с кресла и, забыв про домашние туфли, босиком побежал к кукольному дому. Гельминт действительно показался ему каким-то безжизненно-серым, но, может быть, ему это просто показалось? Иногда, когда аспирант менял лампы в подсветке, тело Гельминта изменяло свой оригинальный цвет.

– Что же делать? – в отчаянии закричал мистер Одли и впервые посмотрел на биолога снизу вверх. – Может, позвонить ветеринару?

– Кому? – глаза биолога сверкнули недоверием. – Какому ветеринару? Они за это не возьмутся.

Мистер Одли торопливо закивал – он уже и сам понял, что сказал глупость, и ему было неприятно выглядеть перед биологом таким безнадежным дилетантом.

– Но вы же можете предположить, в чем именно проблема? То есть назвать мне причину его недомогания? Вас же учили. Вы же должны знать!

– Невозможно воспроизвести среду, – начал биолог и так безнадежно развел руками, что мистер Одли застонал, схватившись за голову.

На крик в комнату вошел Балтон со стаканом на подносе, а в воздухе разлился запах вальерьянки. Залпом проглотив лекарство, Одли подумал, что Балтон как-то уж слишком быстро среагировал на его крики. Может быть, они сговорились. Конечно, он не видел, как они это сделали, но кто знает.

Биолог тронул пальцем стекло.

– Видите, он уже не так крепко присосан, а это верный знак того, что ему не по себе.

Одли надел очки и внимательно уставился на Гельминта. Он не очень-то понял, что именно изменилось: тот все так же болтался за стеклом вялой макарониной, но биолог – специалист и должен знать лучше. Раз говорит, что Гельминту плохо, – значит, плохо. И ведь ни “скорую” не вызвать, ни врачей. Боже ты мой! И все это оттого, что Одли вынул его из себя, поступил как самый настоящий эгоист и теперь только и может, что стоять здесь дурак дураком и наблюдать, как несчастный погибает. Погибает незаслуженно, мучительно – у него на глазах. Что же делать?

– Господи, что делать? – прорычал он, на что биолог только пожал плечами.

Тогда мистер Одли подбежал к камину, вцепился в полку из черного с прожилками мрамора и в отчаянии затряс ее, будто захотел выдернуть. Пальцы его превратились в белые клешни, а лицо покраснело. Вид его был страшен: глазные яблоки в паутине капилляров вращались, нижняя губа некрасиво оттопырилась, открывая неровный ряд нижних зубов, на висках вспухли вены. Казалось, в него ударило молнией – он дрожал от блуждающего по телу электричества и выл гортанным звуком. Биолог, наблюдая за ним с нескрываемым ужасом, отошел подальше, а Балтон, наоборот, подался вперед, держа поднос с пустым стаканом и домашние туфли с монограммой “СО”. Но Одли и не думал обуваться.

– Я знаю! Знаю, знаю! – наконец прохрипел он, оторвался от камина, плотоядно улыбнулся и поднял вверх указательный палец. – Я должен его спасти! Я должен его проглотить! Вот и все.

– Что? – у Балтона по подносу пополз стакан, сорвался вниз и бесшумно упал на ковер, потом туда же приземлился и поднос – со звоном разбившегося стакана.

Балтон и биолог переглянулись, Одли заметил их взгляды, и ему тут же стало ясно, что они в заговоре и Гельминта нужно спасать, а значит, срочно привести в исполнение только что придуманный план. Дрожащими руками он прикрыл двери кукольного дома.

– Уходите! Быстро уходите отсюда! – Одли махнул рукой на дверь.

Биолог кивнул и вышел. По тому, как он побледнел, Одли понял, что выкрикнул это слишком громко. Балтон нагнулся, чтобы собрать осколки, но Одли не стал ждать, когда он закончит, заподозрив в этом стратегическую хитрость, схватил Балтона одной рукой за шиворот, другой – за пояс брюк, грубо вышвырнул из комнаты и закрыл дверь, а ключ в замке повернул на несколько оборотов. Биолог, скорее всего, сразу ушел, а Балтон продолжал стучаться и повторять что-то тревожным голосом. Но что он говорил, Одли не слышал, а метался по комнате от окна к окну, закрывая тяжелые ставни. Ему казалось, что сейчас самое главное – забаррикадироваться. Тогда ему никто не помешает исполнить задуманное. Он должен это сделать, и тогда все вернется на круги своя, наступит спокойствие, жизнь снова потечет гладко, как и прежде. Тогда будут не нужны все эти аспиранты и биологи – а все, что будет нужно, это только заботиться о себе, вернее, о них двоих, потому что они опять будут одним целым и никто не посмеет их разлучить.

Он увидел свое отражение в зеркале: волосы в беспорядке, желчная улыбка на губах, взгляд безумный, недобрый – ну и что? Какое дело ему до того, что там у него снаружи, ведь

главное сейчас – что у него внутри. А внутри у него – комфортабельный дом. И все, что остается сделать, – это вернуть туда жильца.

Одли распахнул стены кукольного дома, и тут в дверь забарабанили куда сильнее, чем это делал Балтон. Раздались голоса, слышно было, как они задавали вопросы, потом начали кричать – но это все было уже неважно, за дверью таилась опасность, и нужно просто все очень быстро проделать. Он подкатил библиотечную лестницу, взобрался на нее, Руки от волнения слушались плохо, и Одли никак не мог дотянуться до аквариумной крышки. В дверь начали колотить тяжелым. Наконец крышка поддалась, и Одли опустил в раствор руку, но, сужаясь, стеклянная емкость не давала продвинуться глубже. Одли старался так и эдак. Одновременно от очередного удара дверь не выдержала и распахнулась. В кабинет вбежали какие-то люди. Один из них, скаля желтые зубы, подскочил к Одли. Тот начал отбиваться ногами. Он все еще пытался дотянуться до Гельминта рукой. Ему удалось немного продержаться и как следует лягнуть желтозубого, но тот, падая, с силой толкнул лестницу. Завиток перил ударил в змеевик и разбил его на миллионы мелких осколков. Жидкость хлынула на пол. Мистер Одли, потеряв равновесие, рухнул на обломки стекла, его схватили, а он продолжал брыкаться и реветь. Желтозубый всадил в шею Одли шприц, и в глазах у него потемнело.

В приемном покое цикадой трещит неоновая лампа. Мистер Одли сидит на стуле, опершись локтем на шаткий стол, и недовольно озирается. Вид у него совсем неважный: порезана щека, шейный платок съехал набок, и без того тонкий нос еще заострился. Он то и дело облизывает потрескавшиеся губы. Глаза его бегают так, словно он не может вспомнить что-то очень важное.

В комнату входит молодой доктор с большой головой на хрупкой шее, кивает Одли, усаживается за стол, вынимает из папки длинный формуляр, долго не может расписать ручку, трясет ею перед носом, потом неожиданным басом говорит:

– Назовите мне ваше имя, ваше полное имя.

Мистер Одли все еще продолжает оглядываться по сторонам, словно ничего не слышал. Доктор терпеливо ждет, но вопроса не повторяет. Наконец Одли понял, он внимательно смотрит доктору в глаза.

– Мое имя – Дом. – Он чуть медлит, словно боится ошибиться, но тут же повторяет уверенно. – Мистер Дом.

Примите наши искренние извинения

Какой неприятный писк. Что это? Нудный, гадкий. Как звук сверла у дантиста, свистит микроскопическая дрель, вкручивает жало в мозг. В самую его сердцевину. С трудом открываю глаза. Звук ползет из-под ног, стучит мелкой дрожью. Тяну на себя простыню.

Так. Это рация. Который час? Семь. Уже семь! Проспала. Ужас. Второй раз за неделю. Так дело не пойдет. Что со мной? Система дала сбой. Так. Успокойся. Ничего страшного. Если потороплюсь – успею.

Босые ноги липнут к плитке в ванной. Почему здесь такой холод? Так, теперь оксидон. Пора заказать еще. Маленькая розовая таблетка выскальзывает из рук. Черт! Прекрати, наконец, так трястись. Вот она, на коврике. Здесь некуда закатиться. Нужно было растолочь ее вчера – сейчас в спешке так неудобно. Не торопись. Помельче. Где обрезок соломинки? Так. Здесь. Не торопись, еще есть несколько минут. Какая милая розовая дорожка. Одной ноздрей, другой. Немного дрожат руки, но это пройдет. Тошнит – это нормально. Так. Зубы. Почистить зубы. Вот щетка и крошечный тюбик пасты. Не торопись. Успеешь, а нет – придумаешь что-нибудь. Быстро в душ. Струя бьет холодом в ладони, но быстро теплеет. Ненавижу утром холод. Не могу его терпеть. Совсем. Вытираюсь. Крем, где этот чертов крем? Все в порядке. Не нервничай. Сейчас подействует таблетка. Немного трясутся руки, но это пройдет. Тошнит – так и должно быть. Дезодорант. Проспала. Ужас. Почему не сработал будильник? Так. Причесаться. Крем-пудра. Убрать круги под глазами. Румяна. Есть. Хорошо бы иметь тушь. Так, докрашусь в офисе. Быстрее. *Все свое* в сумку. Поправить постель. Чтобы все на месте. Быстрее. Уже десять минут восьмого. Главное – ничего не забыть. Какое же бледное лицо. Просто как лепнина на потолке. Одевайся быстро, но не суетись. Завтра нужно сдать костюм в чистку. Так. Цепочку с ключом – на шею. Вроде все. Застегнуть сумку. Очки. Так. Зеркало. В очках – почти нормально. Выпиваю залпом бутылку воды. Хватаю сумку и выхожу в коридор.

К лифтам лучше не идти – безопаснее спуститься по пожарной лестнице. Так больше шансов никого не встретить. Сильно кружится голова, срочно нужно поесть, но сначала занести сумку и накрасить глаза.

В кладовке пора навести порядок. Кто свалил сюда ящики с рекламными листовками? Так. Где у нас забытое? В столе. Тюбики, коробочки, склянки. Есть и тушь. Отлично! Еще беру карандаш для век, на всякий случай.

Новенькая на ресепшен меня не видит, стоит спиной, раскладывает почту. Сегодня она особенно старается – вчера утром я застала ее спящей на рабочем месте, в то время как напротив стоял клиент и ждал, когда она проснется. Высокий брюнет в кашемировом пальто, со свежей стрижкой молча ждал, опустив руки, не делая ничего, чтобы ее разбудить. На мои шаги обернулся, оглядел меня с ног до головы зелеными глазами и прижал к губам палец. Тогда я ушла к себе и набрала ресепшен, новенькая ответила хриплым голосом.

– Доброе утро, чем могу вам помочь?

Я положила трубку, пусть думает, что ошиблись номером, – главное, что проснулась. Но вечером пришлось с ней поговорить – понимаю, это конец дня, вас сменят через полчаса, но спать на рабочем месте непростительно.

Поэтому сегодня старается. Проскакиваю в кабинет никем не замеченной. Так. К зеркалу. Здесь при дневном свете тушь оказывается темно-синей. Ну, это и неважно. Мигает кнопка автоответчика. Что-то уже произошло. Кто-то меня разыскивал.

И что с мобильным телефоном? Почему не сработал будильник? Так. Он разрядился. Непростительная оплошность. Хорошо, что со мной была рация. Это не должно повториться. Как же меня тошнит. Нужно выпить еще воды. И быстро пойти поесть. Но сначала проверить,

кто меня искал. Видимо, что-то произошло. Без сомнений. Значит, утро начнется с моей обычной фразы. Ее я повторяю тысячу раз в день. Если меня разбудить среди ночи, я скажу именно ее: “Примите наши искренние извинения”.

Номер четыреста двадцатый, мужчина в мятом пиджаке сидит, вжавшись в угол дивана, так что ноги едва касаются пола. Он беспокойно одергивает рукава рубашки волосатыми, дрожащими пальцами. Для начала его нужно расслабить. Я улыбаюсь, без вызова – улыбкой матери, поддерживающей детей во время испытания или соревнования, улыбкой, которая не означает ни превосходства, ни подострастия, а, скорее, дружескую заинтересованность старшего по возрасту человека. Предлагаю рассказать все с самого начала. Мол, что могло случиться с ним здесь, в нашем замечательном отеле, где обычно безопасно и комфортно. У него дефект речи, его трудно понять. Он начинает разговор на повышенных тонах, все время сбиваясь на свою высокую должность в компании, что означает только одно: он возглавляет небольшой отдел, состоящий из нескольких человек, и даже эта позиция досталась ему нелегко. Он громко ругается, коверкая слова, так и не переходя к сути дела. Я терпеливо слушаю со всей доброжелательностью, на которую способна в такую рань, но он не успокаивается, под подбородком у него надувается зоб, а под ним вверх и вниз ходит кадык.

– Не волнуйтесь и объясните, пожалуйста, что же у вас произошло.

– У меня плопала сенная вессь, – шепелявит он, звуки сплетаются в один длинный шелест.

– Так.

– У меня уклали субы.

– Что? Извините.

– Субы. Мои субы. Я осавил их, – он вертит головой, но никак не может припомнить, где он их действительно оставил.

– Может, они в ванной?

– Посему в ванной? Нес. Я осавил их гсе-со сесь. Сумаю, на сумбоске. Са, сосно, сесь, на пликловасной сумбоске, а сегосня их сесь нес.

На тумбочке действительно ничего нет, кроме телефона и записной книжки.

– А вы искали где-нибудь еще?

– Са, искал. Но их в комнасе нес. Сумаю, они их саблали.

– Извините, кто они?

– Ну, эси, васы.

– Извините?

– Лабосаюсие в оселе.

– Я уверена, что просто нужно внимательнее поискать. Если вы разрешите, я сейчас вызову горничную, и она постарается вам помочь.

– Не ухосисе, я хосу, собы вы лисьно за всем плослесили.

– Если вас это успокоит, я ей помогу.

Я вызываю самую хорошенькую горничную утренней смены. Когда она наконец приходит, мужчина все еще ворчит, но уже мягче, и я жалею, что у персонала недостаточно короткие форменные платья.

– Пожалуйста, постарайтесь найти в комнате зубы этого господина.

Горничная на минуту застывает, оценивая фразу, но, что удивлена, виду не подает. Молодец – нужно это запомнить и обязательно позже похвалить.

Мужчина встает, стягивает с себя пиджак, поворачивается к нам спиной, вешает его на спинку стула, и я, пользуясь моментом, стучу пальцем по своим зубам, а потом делаю движение рукой, будто вынимаю челюсть и кладу в сторону, помогая горничной понять, что происходит. Она кивает и принимается за поиски. Начинаю ей помогать.

– Я все же проверю в ванной на всякий случай, иногда память нас подводит.

В ванной все перевернуто вверх дном. Полотенца свалены на пол мокрой кучей. Что, интересно, он здесь делал? Перетряхиваю их по одному, с них течет вода, но ничего не выпадает, складываю в пакет для грязного белья. Тщательно осматриваю пол, столешницу вокруг раковины, там почему-то рассыпан молотый кофе, убираю фен в шкаф, заглядываю во все шкафчики, проверяю в коробке с салфетками. Мусорная корзина, слава тебе господи, пуста. В слив раковины зубы не проскочили бы, там есть сетка. Проверяю на всякий случай и под весами. Пусто. Скорее всего, зубы выпали в унитаз. Выхожу и выключаю за собой свет.

Теперь мужчина в кресле, а горничная, стоя на четвереньках, шарит под кроватью. Ему явно приятно на это смотреть. Если бы не его дикция, я бы подумала, что и зубов никаких не было. Проверяю чашки, блюдца, заглядываю в чайник и в ведро со льдом. Горничная разбирает кровать. На подоконнике за двойными шторами тоже ничего нет.

– Скажите, а когда в последний раз вы их видели?

Горничная отворачивается, сдерживая смех.

– Всела после усина.

– А где вы ужинали?

– Сесь.

– Вы заказывали еду в номер?

– Ну конесно. Сколее всего, именно тогса и уклали. Когеа пливолокли ссол, тогса, навелное, и пливасили их с собой.

– Я уверена, что их никто не украл, и мы непременно их найдем, и, пожалуйста, если вас это не затруднит, не могли бы вы проверить ваш чемодан. На всякий случай, мало ли что.

– Босе мой, – он поднимается, выжимая из себя стон.

– Я опрошу всех горничных. Всех, кто входил в вашу комнату, и дам вам знать.

Он безнадежно кивнул, и я увожу за собой горничную. За дверью прикладываю палец к губам, чтобы девушка не рассмеялась, и та бежит вниз по лестнице, зажав рукой рот.

На кухне аромат корицы перебивает резкий запах мыла. Почему они моют полы утром, а не вечером? Тогда бы эта химия уже выветрилась, и было бы куда приятнее. Но это не мое дело: кухня – чужая территория. Оттуда, улыбаясь, выходит шеф-повар в белой куртке и колпаке. У него нет правого резца – и кажется, что он болен. Я не люблю, когда что-то не так с зубами. Хорошо, что он никогда не покидает кухни и его не видят постояльцы. За ним появляется менеджер, останавливается в проеме двери. Ресторанная кухня – как внутренности механического кита: ребра, кишки, сухожилия. Я не люблю кухни. Мне почти всегда неприятно думать о еде. От этого меня еще больше тошнит. От запахов. Хочется скорее уйти, потому говорю скороговоркой.

– Кто вчера увозил посуду из сто семнадцатой?

– Новенький.

– Пригласите его, пожалуйста, ко мне.

– Вы уже завтракали?

– Нет.

– Давайте мы вас покормим?

– Нет, спасибо.

Шеф строит гримасу незаслуженной обиды.

– Ну хорошо, хорошо. Просто у нас, как всегда, аврал, но мне будет приятно, если мне принесут кофе в кабинет. Хорошо?

– Может быть, круассанов?

– Нет, спасибо, я скоро спущусь к вам поесть.

– Вы еще похудели.

– Ну, если хотите, занесите и круассанов.

Бегу к себе. Мне нельзя опоздать – иначе я пропущу посыльного. На бегу набираю горничным:

– Проверьте, кто пылесосил в сто семнадцатом и каким пылесосом, перетряхните фильтр и свяжитесь с вечерней горничной. Там, в номере, пустые мусорные корзины – мне нужна информация, кто и когда выносил мусор.

В кабинете, на столе, пачка конвертов, стянутая резинкой, – принесли почту. За окном пролетает птица. Ветки метут блеклое небо. Опять весна. Самое гадкое время года. Цвет небытия не черный, он темно-коричневый, как эти влажные комья. Не люблю свежевскопанную землю – всем рано или поздно придется туда лечь. А многие уже там.

Я вскрикиваю, у меня это происходит само-собой, когда страшно.

Тут же раздается осторожный стук.

– Да!

В кабинет сначала просовывается голова, потом руки с подносом, а за ними и весь юноша – крутолобый и серьезный.

– У вас все в порядке?

Видимо, он слышал крик. Неправильно. И это не посыльный.

– Да, да, в порядке, – у меня колотится сердце. – Я просто ударилась. Об угол стола.

Он ставит передо мной поднос – на нем кофе и корзинка с круассанами.

– Меня просили к вам зайти по поводу какой-то пропажи.

– Да, да. Это вы вчера доставили ужин в сто семнадцатый?

– Я.

– А кто забрал стол с посудой?

– Тоже я.

– Не видели ли вы там среди мусора, например, зубов?

Парень морщит лоб, думает, что его проверяют, что это своеобразный тест. Молчит, явно не знает, как ответить. В этот момент в дверь опять стучат. Входит посыльный в мотоциклетном костюме и шлеме. Наконец-то. Стоит у стены и ждет, когда я закончу дела с юношей из кухни. Точно муляж или манекен. Интересно, как он выглядит под всей этой шелухой? Все пять лет это один и тот же человек или разные? Кажется, что один и тот же.

– Дело в том, – я тороплюсь объяснить мальчику с кухни, – у нашего клиента из сто семнадцатого номера пропали зубы. То есть зубные протезы.

Есть вероятность, что он оставил их на столе, на котором ему привозили ужин. Найдите мусор и переберите его.

Запищала рация.

– Не волнуйтесь, просто будьте внимательны.

Парень меня не слушает, он постоянно косится на мотоциклиста.

– От этого зависит репутация нашего отеля. Вы свободны. И возьмите с собой круассаны, поешьте.

Крутолобый кивает, хватается за корзинку и исчезает, словно его здесь и не было. Голоса из рации почти не слышно из-за помех и свиста. Что говорят – непонятно, похоже, с ресепшен.

Как только за крутолобым закрывается дверь, мотоциклист молча снимает с шеи цепочку с ключом и передает мне вместе с металлической коробкой для школьных завтраков. Коробка закрыта на замок. Я снимаю с себя свой ключ и отдаю в обмен на коробку мотоциклиста, на которой Бэтмен скрестил руки на мускулистой груди и расставил ноги. Достая похожую коробку с глупой фотографией красной розы, смотрю в полированное стекло шлема, вижу там себя, часть офиса с окном и даже розу. Мотоциклист бросает коробку в наплечную сумку и выходит. Я прячу *Бэтмена* в сумку с эмблемой ВВС США. Я купила эту сумку по интернету

– пять лет назад, когда мотоциклист приехал ко мне в первый раз. Это очень удобная сумка, легкая, прочная и легко моется.

Иду к ресепшен. Там спокойно. Новенькая дежурная озабоченно крутит в руках тяжелый степлер.

– Все в порядке? – вижу, что она волнуется.

– Да. То есть нет.

Она шепчет мне на ухо, ей, видимо, так легче.

– Пришли двое. Попросили показать комнату. Когда я им дала ключи от сто второго, они сказали, что посмотрят сами. И чтобы им не мешали. Сказали, что хотят использовать нашу гостиницу для своей свадьбы. И им нужно осмотреть номер. Чтобы рекомендовать гостям. И мы бы, говорят, здесь устроились на свой медовый месяц. И так еще на меня посмотрели, – она сводит брови и широко открывает глаза. – Мне сразу как-то неудобно сделалось. Нам же постоянно, на всех тренингах, и вы, – она запинаясь, – желание клиента – закон. Тем более в нашей гостинице. Где останавливаются люди рекс-сеп-табельные, – она проговаривает слово “респектабельные” по частям и все равно путается. – Ну, я дала. Мужчина так уверенно спрашивал, – она какое-то время молчит. Кусает верхнюю губу.

– И?

– И с ним была женщина. И они там уже минут, наверное, сорок пять или около того. А теперь позвонили из сто третьего и говорят, что за стеной шумят. То есть там стучит об стену кровать. Мне не следовало давать им ключи. Теперь понятно для чего.

– Не волнуйтесь, вы сделали все верно. Иногда такое случается.

– Что? Теперь туда идти? – Она всхлипывает, у нее трясутся руки.

– Нет. Просто, когда они вернут вам ключи, распорядитесь поменять там белье, сменить полотенца и помыть посуду.

– А вдруг они не вернут?

– Вернут. И еще. Предупредите горничных посмотреть внимательно везде – не оставили ли они чего после себя. И не волнуйтесь, звоните мне, если вам понадобится помощь.

Она постукивает ручкой по зубам. Я вспомнила, как сложно было приучиться самой этого не делать. В детстве у меня была такая же привычка. Нынче у меня совсем другие привычки. Нужно будет как-нибудь деликатно ей об этом сказать. Но не сейчас – сейчас она и так слишком нервничает из-за этого сто второго.

Юбка болтается на талии. Нужно пойти поесть. И сделать это именно сейчас – пока в ресторане еще пусто, не так пахнет едой и не слышно, как ножи скрипят по тарелкам.

Официант приносит мне картофельное пюре и зелень.

– Жаль, что вы не едите мяса. Сегодня у нас необыкновенная баранина – просто тает во рту. С луковым муссом, маринованными грецкими орехами и перепелиными яйцами.

– Действительно жаль, что я не ем мяса, – звучит это все крайне аппетитно. Надеюсь, среди наших клиентов желающих будет предостаточно.

Официант кивает, желает мне приятного аппетита и спешит обратно на кухню. Нужно похвалить шефа за интересное меню, но напомнить, что дорогие блюда совсем не предназначены для сотрудников отеля. Без исключений.

Ковыряю картошку. Нужно, нужно, нужно есть. Удивительно, что никто не звонит. Удалось съесть одну треть. Больше не получается.

Возвращаюсь к себе, проверяю списки необходимых закупок на следующую неделю.

Минут через двадцать звонит дежурная:

– Извините. С вами хочет поговорить клиент из четыреста второй – мне он отказался рассказать, в чем дело.

– Хорошо, переведите звонок. – Я здороваюсь, а сама в этот момент проверяю, кто обидает в четыреста втором. Номер зарезервирован на четыре дня, до вечера пятницы, – то есть, скорее всего, бизнес. Резервировала компания. Номер – один из наших лучших, значит, позиция высокая. И имя красивое – Фрэнсис Финли.

– Произошла кража.

Голос приятный. Господи, да что это такое сегодня. Опять кража. Надеюсь, что не зубы. И не другие части тела.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Сейчас я к вам поднимусь.

Пока шла – узнала, кто у него убирал. Если бы нелегалы – волновалась бы, могут сбежать, прихватив что-нибудь дорогое, но тут все чисто, горничные обе у нас давно, к ним претензий никогда не было. Стучу в дверь. Гостиная просторная, на стене – офорты Пиранези. Лампы с черными абажурами на консолях, темный гранит, ваза с фруктами. Один из лучших номеров. Двойные двери открыты в просторную спальню. Там тоже полный порядок.

Мужчина сидит на диване. В строгом костюме, галстук, ботинки из ателье Джона Лобба. Зелеными глазами смотрит. А, это тот самый, который вчера не дал мне разбудить новенькую на ресепшен. Какой он красивый. Волнуюсь. Всячески стараюсь не подавать виду. Какое все же правильное у него лицо. Но сегодня он не улыбается. Предлагает присесть. Сажусь в кресло, на самый краешек. Между нами кофейный стол.

– Здравствуйтесь, меня зовут Фрэнсис Финли. Произошел невероятный инцидент, – он складывает руки с длинными пальцами лодочкой.

Я слушаю, стараюсь не отвлекаться ни на пальцы, ни на глаза.

– Прошедшей ночью здесь, – он показывает на ровную стену без каких-либо признаков дверных проемов, – открылась дверь, тихо вошел ваш ночной портье, подошел к моей кровати, взял все мои таблетки и удалился.

Я выдерживаю паузу, надеюсь, что он рассмеется, но мистер Финли серьезно смотрит мне в глаза.

Ну пожалуйста, сейчас ты должен рассмеяться. И все закончится хорошо. Ты можешь даже пригласить меня на кофе. И я, пожалуй, пойду, только не будь таким серьезным. И больше не показывай на сплошную стену, где ночью появилась и исчезла дверь.

– Тот самый, который работает у вас по ночам.

У нас по ночам действительно стоит огромный парень. Как только случилось несколько ограблений гостиниц, по ночам теперь работают только мужчины.

– Вошел через дверь и украл, – он опять показывает на стену.

Я внимательно смотрю на него. Тяну время. Надеюсь на розыгрыш. Но он остается совершенно серьезным.

– Примите наши искренние извинения. Я вернусь через три минуты. Хорошо? – Обстоятельства с кражей требуют присутствия двух свидетелей, главное, чтобы не заметил, что я испугалась. – Подождите здесь, и я сейчас же вернусь.

Осторожно поднимаюсь с кресла. Представляю, как он не дает мне уйти. Как объясняет, что ему нужен был всего лишь повод меня увидеть. Как он не спал всю эту ночь, потому что вчера... Так, стоп. Вот она до чего доводит, эта проклятая весна. Он не двигается с места.

Возвращаюсь с двумя мужиками – с дневным администратором и вторым портье. Зеленоглазый сидит там, где я его оставила, – по крайней мере, не буйный.

– Я не хочу скандала. Я просто хочу, чтобы мне вернули мои таблетки. Я знаю, у вашей гостиницы хорошая репутация. Пусть он просто мне их вернет – и я готов это дело замять.

Опять пищит рация, и я стараюсь говорить очень быстро:

– Прошу вас повторить свидетелям суть дела. А я выясню, где сейчас находится ночной портье.

Выхожу в коридор. Заворачиваю за угол и наконец отвечаю на писк рации. На ресепшен скандал. Там травма. Бегу туда. Но по дороге прошу найти все контактные телефоны зеленоглазого и перезвонить мне. Добегаю до холла, крики слышны даже там.

Несколько человек ждут заселения, женщина в халате кричит и держится за голову. Нужно как можно быстрее увести ее отсюда.

– Что случилось? – Я подхожу к ней очень близко и сразу же иду в сторону ее комнаты, ей невольно приходится идти со мной, чтобы рассказать о том, что произошло. Делаю знак горничной, чтобы шла за нами.

В комнате женщина, все еще перебирая пальцами затылок, грузно падает в кресло, я плотно закрываю дверь в коридор и усаживаюсь перед ней. Горничная вытряхивает из ведерка лед в белую льняную салфетку, ловко ее сворачивает и подает женщине.

Та прикладывает ее ко лбу. Горничная уходит за новой порцией льда. Опять та же. Молодец. Абсолютно правильно себя ведет. Нужно запомнить и уговорить шефа поднять ей зарплату. Важно, что она не паникует и не волнуется. Итак, сначала идет наша обычная фраза:

– В первую очередь примите наши искренние извинения.

– Да уж. Устроили здесь, – толстые пальцы, шевелясь на салфетке, прижимают лед к голове. – Черт знает что. Просто безобразия.

Возвращается горничная со льдом, тихо сообщает, что вызвала техника. Он заскочит на склад за нужным инструментом – и сюда. Молодец. Я благодарно киваю ей и поворачиваюсь к пострадавшей.

– Сейчас я позвоню врачу.

– Да ради бога, не нужно мне вашего врача! У меня масса дел, я не могу здесь сидеть и ждать его! Я и так уже потеряла с вами уйму времени! Никуда я не пойду!

– А что, собственно, случилось?

Женщина демонстративно садится на диван, закрывает глаза, изобразив на лице страдание.

– Я уже все рассказала, – она недовольно отворачивается к окну.

– Насадка душа под напором воды отвалилась и задела голову, – горничная произносит это шепотом, на что женщина возмущенно вскакивает, придерживая пятерней компресс.

– Ничего себе “задела” – со всей силы шарахнула! – она взмахивает свободной рукой, развязывается пояс халата, и под ним она почему-то оказывается одетой. Она быстро запахищает полы и крепко держит их на животе.

– Тихо, тихо. Вы уверены, что вам не нужен врач?

– А что мне скажет ваш врач? – пострадавшая шумно дышит носом. – Что он мне скажет? Я уже выезжаю, хватит с меня, – она опять садится на диван и вытягивает вперед полные ноги. – Развели тут бардак!

– Пожалуйста, не кричите, – я наливаю воды и протягиваю ей стакан. Она выпивает его залпом. – Мы постараемся сделать все, что в наших силах.

– Вы сделаете! – она не верит ни одному моему слову. – А может, у меня сотрясение мозга?

– Нужно обязательно вызвать врача.

– Не нужно. У вас, уверена, и врачи такие же. Да и ждать мне не с руки! Мне нужно в аэропорт успеть.

– Не волнуйтесь, мы...

– И, как вы понимаете, я не собираюсь оплачивать номер.

Она берет в руки телефон и куда-то звонит.

Приходит техник, я выхожу с ним в коридор.

– Посмотрите, что с головкой душа.

К нам подходит горничная.

– Она врет, – говорит она совсем тихо. – Она все врет.

– Я знаю.

– Мы позавчера чистили душевые лейки во всех номерах. Ее открутить нужно суметь. Тут инструмент нужен, – техник почесал в голове. – И силища.

– Я знаю.

Подбегает наш посыльный, он передает мне распечатку с ресепшен – там информация про зеленоглазого. Номера телефонов и адрес. Звоню. Хорошо, что это не телефон компании, а номер его матери. Объясняю ей, что произошло, она просит не вызывать врачей и полицию, она сама за ним придет. У нее очень уютный голос. Теплый и доброжелательный. Обещаю ничего никому не говорить.

Раздается крик толстухи, она тоже по телефону грозит кому-то всех здесь засудить.

– Позвоните мистеру Холдену, он на нее управу найдет, – техник указательным пальцем касается своего лба. – Вот у нее с чем проблема, а не с душем. Там, на лейках, такая резьба глубокая – нужно вертеть и вертеть, прежде чем упадет. Да и без инструмента сложно. Все она врет. Просто платить не хочет.

– Я знаю. Но нам нельзя потерять лицо. Нужно, чтобы она ушла. Лучше мы потеряем эти деньги. Она к нам не вернется, а вот постоянных клиентов нам лучше не тревожить. Вон она какая громкая. Нужно ее успокоить.

– Может быть, она пыталась настроить направление струи и действительно ее крутила. А та возьми и... – горничная не успевает договорить, как сантехник почти кричит:

– Да как же без инструмента! Я бы не смог. Не то что. Сложно это, – он упрямо мотает головой из стороны в сторону.

– Тихо. Прошу вас!

Я слышу, что толстуха больше не говорит по телефону. Иду к ней. Она сидит надувшись, держится пухлыми пальцами за лацканы халата.

– Вы, наверное, пытались ее повернуть, – мягко начинаю я.

– Ничего я не пыталась повернуть – я пыталась помыться!

– Сейчас уже такого не случится. Мы приносим свои извинения.

– Распустились совсем!

– А вы можете отдохнуть и выписаться позже. Я предупрежу дежурную на ресепшен.

– А еще дорогой отель! Развели тут!

– Извините.

Наконец выходим и какое-то время идем вдвоем – я, горничная и сантехник.

– Она даже лед все время в разных местах держала, – горничная расстроена, и сантехнику, вижу, тоже неприятно. – Она точно врет! Она платить не хочет. Неужели вы не видите?

– На этой работе нет места эмоциям. Они нам стоят репутации, а значит, денег. Вместо эмоций есть инструкция, протокол, порядок действий. И все.

Отрицательные эмоции недопустимы. Иначе невозможно. Иначе сойдешь с ума или по меньшей мере станешь мизантропом. А это не про зарабатывание денег вообще. Вы правда думаете, что мы каждого клиента рады видеть? Тем не менее мы улыбаемся всем. Главное – хорошо выполнять свою работу. И вы очень правильно себя вели во время случившегося.

– Ненавижу таких.

– Не принимайте это близко к сердцу.

– У нас таких пруд пруди, – техник руками очертил невидимый круг. – Чего только не проделывают! Я как вижу, что кто-то выскочил драму разыгрывать в холл, где людей побольше, так сразу знаю, что передо мной клоун. Некоторые такие концерты закатывают! Профессионалам учиться и учиться. – Его перебила рация. – Пойду прикручу этой дуре душ – и на третий. Там человек не может войти в номер, говорит, карточка не срабатывает, и у меня еще номера три со вчерашнего висят. Всем привет.

– А мне белье нужно прачкам отдать – они ждут.

На ресепшен все еще несколько приезжих. Не хочу отвлекать дежурных – пишу на листе бумаги и кладу так, чтобы они видели: “Проживающую в пятьсот десятом занести в черный список и отменить оплату”.

– Звонили из четырехста восьмого. Просили зайти.

– Иду.

В дверях человек высокого роста приглашает войти в его номер. Круглое лицо, надутый нос в огромных порах. Он постоянно его трет, и он уже совсем красный. Может, кокаин – но это не мое дело.

– У меня что-то с унитазом.

Проходим с ним в ванную комнату. Унитаз полон воды. Смотрю на часы. В это время весь обслуживающий персонал занят – это для всех самое напряженное время: часы между тем, как одни клиенты съехали, а другие еще не заселились. Снимаю пиджак, беру в шкафу под раковиной вантуз и начинаю качать. Стоять на каблуках неудобно, вантуз с короткой ручкой. Встаю на колени. Качаю. Мужчина сидит на краю ванной и ждет. Мог бы и сам это сделать – но он сидит и смотрит. Сил у меня не так много, а он вон какой огромный, но я стараюсь. Наконец пробка пробита, все в порядке. Встаю. Хромаю. Затекла нога. Смываю унитаз несколько раз водой – все прекрасно протекает. Мою руки, вытираю одноразовой салфеткой.

В кабинете меня ждут отчетные документы вчерашней смены. Смотрю на часы – скоро мне будет звонить мистер Холден: он звонит всегда в одно и то же время. Он владелец этой гостиницы. Я у него работаю вот уже семь лет. Он мною доволен. Он меня достаточно проверил за эти годы и теперь наконец может заниматься тем, о чем мечтал всю жизнь, – путешествовать. Он мне доверяет. Я веду все его дела. Как говорит он сам: я не его правая рука, я просто он сам. Странно, что он запаздывает. На этот случай я должна написать ему вечером письмо о том, что в отеле все в порядке. Значит, он позвонит завтра.

Опять берусь за документы. Скоро конец рабочего дня. Скоро закончится все это. И тогда начнется моя настоящая жизнь.

Она приехала тогда, когда уже совсем стемнело. Ухоженная женщина лет шестидесяти, не больше. Такие же зеленые глаза. Благодарит за то, что я выполнила свое обещание, не вызвала ни врачей, ни полицию.

– Я его забираю. Он славный, славный мальчик. Он просто другой. Он всегда был другим. Никогда не считала это болезнью. Никогда. Просто ему иногда нужно пить лекарство. И тогда он совсем в порядке. А иначе у него начинаются видения. Но, уверяю вас, это не опасно. Мы приучили его к лекарствам, и, если их нет, ему сложно. Но мы рядом, чтобы ему помочь.

Она говорит “мы”. Мы – это, наверное, семья. Семья, которая его любит. Семья, которая принимает его таким, какой он есть.

– Фрэнсис хорошо образован и очень добр. Не судите его. Он просто по-иному мыслит. Поэтому он такой. Его даже взяли работать. Он им очень нужен – поэтому они сказали, что готовы закрывать глаза. Они его пытаются принять таким, какой он есть. Но не все. Я стараюсь не переживать за него. Что плохого в том, что человек иной? Мне непонятно, когда этого не понимают другие. Это странно. Я знаю, что вряд ли у него будет своя семья. Но он удивительный. Правда удивительный. Мы все по сравнению с ним грубы и ненормальны.

Она помолчала, но совсем без грусти.

– Я привезла ему лекарство. Сейчас он уже в порядке.

– Тогда, может быть, он останется?

– Нет, мы поедem домой. Я уже говорила с его компанией, я все уладила. Я рада, что он сможет побыть дома, – он очень любит наш дом.

Она встает, чтобы уйти. Я провожаю ее до лифта, но дальше не иду. Я не хочу им мешать. Возвращаюсь к себе. Раскладываю по папкам бухгалтерские отчеты. Звонит телефон, это Холден. Рассказываю ему про дела. Он прерывает меня на середине:

– Ты когда-нибудь была маленькой девочкой? Или ты уже не помнишь?

– Не помню.

– Напрасно.

Молчу.

– Ну хорошо. Тогда до завтра.

– До завтра.

Отключаюсь. В том-то и дело, что помню. Слишком хорошо помню. Мне исполнилось пять. За руку меня держит старшая сестра. Я стою и смотрю исподлобья на мать.

– Папа придет?

– Папы нет. Папа умер.

– Я знаю.

Выдергиваю ладонь из кулака сестры, разворачиваюсь и спокойно ухожу в свою комнату.

– Бесчувственная. – Это мать говорит обо мне.

На следующий вечер я опять стою на кухне и смотрю на мать.

– Где папа?

– Его нет.

– Где он?

– Он умер.

– Что это значит?

– Его душа покинула тело.

– А где это тело?

– Закопали.

– Закопали? Куда?

– В землю.

– Так, значит, оно просто в земле?

– Да.

– Тогда его нужно откопать.

– Что?

– Откопать и принести сюда. И положить здесь. Пусть он будет с нами. Я тогда смогу с ним разговаривать и его гладить. И он опять будет с нами.

– Но это невозможно.

– Ты должна его откопать. Откопать и принести сюда. Зачем он там лежит в этой земле? Пусть он будет здесь. С нами. Так будет хорошо. Как ты не понимаешь? Почему ты его отдала? Отдала закопать в землю.

– Потому что все так делают.

– Ну и пусть все так делают! А мы не будем! Он должен быть здесь, с нами! Поняла? Ты поняла?

Дальше я срываюсь на крик, захлебываюсь слезами, продолжаю кричать все это в воздух, закинув голову назад, скривив рот.

– Ты отдала его в землю? Зачем? Зачем? Заче-е-е-ем?

С этого дня мне все время снилась эта земля. Земля, где лежит он. Страшная земля. Я слишком хорошо все это помню. Это повторялось много-много месяцев. Один и тот же диалог. Каждый день. И она не выдержала. Моя мать. Она продержалась столько, сколько могла. И в

конце концов, конечно же, не выдержала. Сердце. Но это случилось позже. Я хотела спасти одного и затолкала в могилу другого.

Наконец день закончился. Проверяю, какие номера свободны. Блокирую пятьсот тридцать первый. Система просит заполнить поле “Причина”. Пишу “Нерабочее состояние унитаза”. Система гостиницы предусматривает блокировку номеров, чтобы администраторы не могли заселить в неисправный номер клиентов по ошибке, поэтому заблокированные номера никогда не появляются как готовые для размещения. Это гарантия, что моя комната будет пустовать до утра, пока не заступит на работу техник. Он получает список номеров с неисправностями. Каждый вечер я проделываю одно и то же. Ищу свободный номер и блокирую его под предлогом той или иной неисправности. Подозрений это никаких не вызывает, гостиница – большой дом, который постоянно требует мелкого ремонта, и каждый божий день по той или иной причине блокируются номера – одним больше, одним меньше. Если свободных номеров нет, использую комнаты, уже заблокированные по тем или иным причинам, – только проверяю, чтобы там не отключили воду или отопление. Я проделываю это уже пять лет. Пять гребанных лет.

Пятьсот тридцать первый прямо у пожарной лестницы. Беру свою сумку – иду туда. На пороге снимаю туфли. Жаль, что не разрешено носить обувь на плоской подошве. Прохожу в ванную, раздеваюсь. Действительно, еще похудела. Когда вдыхаю, сильно видны ребра. Надо больше есть. Сложно, но иначе никак. Вот это ручное полотенце я завтра утром запихаю в унитаз. Не очень глубоко, но чтобы его не было видно. Только бы не забыть. Это будет причиной блокировки номера. Пристраиваю костюм на вешалку, чищу его щеткой. Готовлю все необходимое на утро. Проверяю замок, закрываю дверь еще и на цепочку. Ставлю будильник телефона на семь утра. Достаяю со дна сумки металлическую коробку для завтраков с Бэтменом на крышке, открываю ключом, что висит на шее, вынимаю жгут. Протираю спиртом место укола. Перематываю предплечье, несколько раз сжимаю в кулак пальцы и разжимаю. Посреди уродливого синяка выгибается бугорок вены. Оттуда же, из *Бэтмена*, достаю шприц, снимаю с него колпачок, легко давя на поршень – на самом острие иглы вырастает малюсенький шарик, – ввожу иглу в вену и толчками выдавливаю содержимое шприца в кровь. Бросаю пустой шприц в коробку, ложусь и закрываю глаза.

Тело наполняется светом. Сначала ничего не происходит, просто уходит раздражение. Потом появляется скачущая рябь и постепенно слипается в движущиеся пятна.

Появляются озеро и кусты. Каждый куст – идеальный шар из глянцевой листвы и зрелых бутонов. Над ними выются крупнокрылые бабочки. Все так многоцветно, что не сразу замечаю во всем этом странность. Приглядываюсь внимательнее – небо в облаках там, где должна быть вода, а вода – в небе, и в ней искажаются бабочки. Почему небо не проливается вниз, а облака не летят вверх? Мне нужно торопиться – меня ждут. Мама, папа, сестра. Мне нельзя терять время. Нужно только понять, куда идти.

Останавливаюсь у заросшей виноградом беседки. Заглядываю внутрь. В ней мужчина, но не отец. Вижу голову. Он читает, но что – не разобрать, обложки не видно. Неслышно шевелит губами. Приподнимаюсь на цыпочки и вижу шрифт – готический, острый, книга на немецком языке, похоже, детская. По краю страницы цветочная вязь. Тонкий стебель вьюна оплетает заглавные буквы, цепляется за них усами-пружинками, бутоны открывают розовые пасти. Человек старается читать дальше, покачиваясь взад-вперед в ритме слов. Похож на священника, у которого на проповеди наверняка спят мужчины и балуются дети. Палец его ползет под строчкой, чтобы по ошибке не перескочить на другую.

Только собираюсь идти дальше, как один из цветков приподнимает головку над страницей, и, покачиваясь, к пальцу читающего мужчины вытягивается зеленый ус. Вот он единожды обернулся вокруг, выпустил листок и тут же прижался к следующему. Новый росток схва-

тился за руку, быстро потянулся, сплелся с соседями и замкнул запястье плотным кольцом. Все увеличиваясь в размерах, качаясь из стороны в сторону, из книги поднимаются новые плети, затягиваются на локтях, прорастают сквозь одежды, наливаются соком, проворными языками обвивают пуговицы, прорастают сквозь петли, добираются до шеи, оплетают и ее. Голос мужчины слабеет, слышно, как он дышит, а потом хрипит. Лицо его краснеет, надувается, он хватается губами воздух, дергает руками, но они плотно примотаны к подлокотникам кресла, человек пытается кричать, зеленая лавина врывается в его рот, и крик умирает, захлебнувшись. На висках вздуваются вены, и в кресле уже трясется зеленый кокон. Вьюны тянут дрожащие побеги в мою сторону, и я бегу по глиняной дороге дальше. Я не могу помочь, меня ждет семья. И ждет уже давно.

За поворотом налетаю на собаку. Немецкая овчарка. Из открытой пасти болтается язык, собака смотрит на меня, наклонив голову набок. Отворачивается и зевает, у нее алое небо в черных пятнах. Крутит ушами вправо-влево, оборачивается – там по дорожке кто-то идет нам навстречу. Мама! Это она. Наконец-то! Бегу к ней. Она совсем еще юная. Вижу, как толстые чулки смялись под коленками гармошкой. Пальто развеивается на ветру, хлопает полами. Она идет ко мне. Мама, мамочка! Мне многое нужно тебе рассказать. Мама! Она улыбается, она меня видит. Под пальто красивое платье и тонкий ремень с перламутровой пряжкой. Длинный шарф, на концах кисти. Такая же кисть на берете, прыгает, как головка с иглой по виниловой пластинке. Она уже так близко. И тут все меняется – мамы нет. На меня идет пустая одежда.

Свет из окна слепит глаза. Опять проспала? Кошмар, это уже не смешно. Через несколько минут здесь может появиться техник. Придется обойтись без душа. Зубы. Главное – почистить зубы. Спокойно, спокойно. Не суетись. Нужно умыться. Все будет как всегда. Где оксидон? Ложки должны быть там, где чашки. Розовая таблетка давиться не хочет. Да что же это такое. Так, давай, любимая, давай. Розовая пыль между двух ложек. Только не рассыпь. Обрезок соломинки ползет по ней, как пылесос, – во рту горький привкус. Чуть немеет гортань. Так, отряхни нос. Сейчас все будет хорошо. Дрожат руки, но это пройдет. Тошнит – так и должно быть. Дезодорант. Волосы. Маскируем круги под глазами. Пудра. Румяна. Где тушь? Здесь, где ей еще быть. Быстрее. Поправь постель. И чтобы все на месте. Быстрее. Уже пятнадцать минут восьмого. Главное – ничего не забыть. Опять лицо белое-белое – мечта любой японки. Одевайся быстро, но не торопясь. Так. Вроде все. Застегнуть сумку. Очки. Так. Зеркало. В очках – почти нормально. Выпиваю залпом воду. Подхожу к дверям, снимаю цепочку. В последний момент вспоминаю про ежедневник. Лежит на подоконнике. Завтра проследить за тем, чтобы не разбрасывать вещи. Все в сумку, ничего не оставлять в комнате. Ничего. Кружится голова. Лишь бы не упасть. В последний момент цепляюсь за занавеску – несколько петель срываются с крючков, но она еще висит, перекосившись. Слава богу, что не упала гардина. Дверь за мной жужжит и открывается, в комнату входит долговязый парень с ящиком инструментов в руках и в комбинезоне с вышитым на рукаве названием нашего отеля.

– Ой! Извините, я думал, тут никого! – дверь за ним хлопает, и он словно по команде ставит свой ящик на пол.

– Здравствуйте. Заходите, заходите, я вас, собственно, и жду. Кроме унитаза, здесь еще вот занавеску сдернули. Постарайтесь все сделать как можно быстрее и сразу, как только закончите, дайте знать горничной – у нас сегодня заказ от постоянного клиента именно на эту комнату.

Все в порядке, долговязый не удивился.

Он скрывается в ванной, я беру свою сумку, проверяю, все ли на месте и не оставила ли я чего. И выхожу в коридор.

Пожарная лестница. Там кто-то разговаривает. Тогда пойду через другой коридор. В офисе холодно. Нужно сказать, чтобы проверили температурный режим. Видимо, похолодало.

Как долго я не была на улице? В кабинете тоже довольно прохладно – поднимаю на термостате температуру. Стучат. Патрульные полицейские.

– Приехали узнать, все ли в отеле в порядке.

– Все в порядке. Спасибо.

– Говорят, у вас тут был псих.

– О чем вы?

– Рассказали, что вчера один из постояльцев, – полицейский не может подобрать слово и крутит пальцем у виска.

– Да что вы. Нет. Я сама с ним разговаривала. Просто человек переработал. Устал.

– Почему вы не позвонили нам? Не вызвали медиков? А если бы он что-то устроил?

– Не было никакой необходимости. Ему просто нужны были таблетки.

– Он еще здесь?

– Нет, – я вдруг страшно пожалела о том, что его здесь нет. – За ним заехала его мать. – И что нет его матери с такими же зелеными глазами. – Я же говорю вам, ничего страшного. – Интересно, кто им доложил. Может быть, консьерж. Или носильщик. – Спасибо. Не было ничего опасного. Человек просто устал. Так что все уже в порядке.

– Больше он ничего не выкинул?

– Он вообще ничего не выкидывал. Просто человек не выпил вовремя таблетки.

Они топчутся, но уходить не хотят.

– И что теперь?

– Извините, – опять использую свое *любимое* слово.

– Может быть, еще что-то нужно? А то кто знает, сколько еще психов понаехало.

– Нет, не нужно! Спасибо вам большое. Хотите кофе? Я могу в баре вам сделать.

В баре еще никого нет. Бармен придет во второй половине дня, но у меня есть ключи. Включать огромный аппарат не хочу. Достаю банку со свежемолотым кофе, она стоит специально для случайных гостей, включаю чайник, достаю чашки и шоколадное печенье. Чайник уже клокочет, выдыхает паром и отключается. Заливаю кофе кипятком. Процеживаю. Включаю негромко музыку, разливаю по чашкам кофе.

Опять рация. Извиняюсь, ухожу.

В общем офисе собралась вся дневная смена. Все запинаятся о ящик у стены. В нем свалены забытые зарядки от телефонов, их никто не хочет забирать – легче купить новые.

– Их бы продать, – говорю я вслух, глядя на коробки зарядок.

– На улицу пойти, что ли?

– Нет, в сети. Хотите, попробую? – один из администраторов выходит вперед.

– Хочу. Спасибо.

Всё еще не начали по-настоящему работать – болтают кто о чем.

– Почему почти все оставляют эти несчастные зарядки?

– Почему? Не все. Оставляют еще и урны с прахом, и грудных младенцев.

– Да, но почетное первое место все же держат зарядки. Потом одежда, в основном пижамы, белье.

– А эти бесконечные мягкие игрушки – я не понимаю, зачем ездить куда-то с мишкой или зайцем? Или еще с кем. Очень странно.

– Может, кто-то боится спать один?

– Я не знаю.

– Понятно еще, когда находишь книгу, или зубную щетку, или сумку, в конце концов.

– А вот я помню, пара молодоженов как-то уехала, оставив в шкафу свадебное платье.

– А помните хомяка прошлым летом? Оставил какой-то, между прочим, вице-президент компании.

– Может, хомяк – это его талисман?

– А коробка с реквизитом фокусника?

– А сегодня – вот, полюбуйтесь!

Беру в руки бумажный пакет. В нем банка. В банке что-то шевелится. Клубок из листьев, прутьев и чего-то еще.

– Ящерица?

– Нет. Это сухопутная саламандра.

– Вы зафиксировали находку в журнале потерянных вещей?

– А может, связаться по контактными телефонам?

– Нет, просто сдайте в комнату хранения. Хотя, пожалуй, оставьте здесь – она же живая.

И позаботьтесь о ней.

– Может, сразу отослать хозяину и деньги за пересылку с карточки снять? И хранить не нужно?

– Во-первых, большинство номеров в нашем отеле финансируется компаниями, которые не обязаны оплачивать забывчивость работников, а потом, всегда нужно учитывать классический случай, когда, к примеру, жена ничего не знает о путешествии мужа.

Смеются. Рабочий день для них еще не начался. Но мне, к сожалению, с ними смеяться не полагается. Мне нужно поддерживать статус. Так меня учил мистер Холден. Так удается держать дисциплину. Ухожу.

Рация. Спешу к стойке администратора.

Грузный мужчина двумя руками держится за стойку и, почти не используя согласные, доказывает, что он здесь живет. Работающая в первую смену администратор никак не может найти его фамилии среди наших постояльцев. Он топает ногами, настаивая, что именно здесь он остановился, и тот факт, что ему не верят, очень его обижает. Он так настойчиво трясет стойку ресепшен, что, не останови я его сейчас, он ее выломает.

– Мы поможем вам быстрее, если вы не будете шуметь, – говорю я.

Мужчина затихает и, часто моргая, смотрит на меня – на нового персонажа.

– Если вы дадите мне вашу кредитную карту, я постараюсь найти вас в системе.

– В системе его нет. Я проверяла, – администратор говорит это тихо, не поднимая на мужчину головы.

– Понятно, – я так же тихо ей отвечаю. К мужчине обращаюсь громче: – Пожалуйста, присаживайтесь, и мы постараемся вам помочь.

Мужчина падает в кресло, я приношу ему воды.

– Позвоните в “Кимберли”, “Бентли” и “Дилон”, проверьте, не живет ли он там.

– А что, мы обязаны? Может быть, просто полицию?

– Нет, не обязаны, но это ведь не сложно сделать, правда?

– Может быть, он нигде не живет.

– Я уверена, что он просто перепутал отель.

В первом же отеле – “Кимберли” – находят его фамилию. Он у них постоянный посетитель – сам из ЮАР, но прилетает сюда довольно часто. Сегодня утром ему сообщили о рождении ребенка.

Из бара поднимаются полицейские. Я оборачиваюсь к счастливому отцу, но он уже спит, подперев щеку ладонью.

– Вы не могли бы доставить его в отель? Это совсем недалеко. В “Кимберли”. У него сегодня родилась дочь. Он не совсем трезв, но это неважно. Пожалуйста. Только я сама его разбужу.

Я провожаю его до машины – он даже не понимает, что это полиция, по-моему, он думает, что его везут в другой корпус.

Возвращаюсь на ресепшен.

– Все сегодняшние выписались?

Администратор достает из стола списки и кладет передо мной:

– Пока не все. Номер двести шестнадцатый – еще нет.

– Позвоните туда.

– Я звонила.

На часах семнадцать минут первого.

– И что?

– Не отвечает.

– Позвоните еще.

Девушка нагибается и, щурясь, набирает номер.

– Да, зубы нашлись. Среди грязных скатертей. Новичок вчера часа три перебирал ресторанный мусор.

Спускаюсь в бар – убрать со стола чашки. Приятно, что полицейские поставили их в мойку. Убираю чашки в посудомоечную машину, кладу на стол новые салфетки, выравниваю стулья. Часы показывают двенадцать двадцать пять. Проверяю срок годности на бутылке молока в холодильнике. Еще годится.

– У вас есть приличное вино?

По голосу слышно, что тип недоволен. Сразу понимаю, что это за тип. Развязный и упрямый.

– Смотря что вы считаете приличным.

– Ну, например, *Omellaia Masseto*. Например, две тысячи четвертого года.

Да. Отличное вино. Винтаж. Особенно девяносто седьмой, девятый. И да, пожалуй, две тысячи четвертый. Ну хорошо. Про вино он знает. Поворачиваюсь.

– Вы замужем?

– Да.

– Но на вас нет кольца.

– Не ношу.

– Почему?

– Боюсь потерять.

Про ‘боюсь потерять’ все сразу верят. Поэтому я всегда пользуюсь этой легендой. Мне никак нельзя отвлекаться на таких типов. Мне нужно работать. Чтобы заработать на мою ночную, настоящую жизнь. Достаю вино, открываю, наливаю ему бокал – ставлю на стойку. Он сразу оппивает глоток.

– А я вот развелся.

Они все так говорят – у них у всех получается, что они разводятся перед командировками.

– Просто раз, и все. Брился как-то в ванной, а она меня спросила: ты куда это на ночь глядя? Спросила не просто так, а как будто ей что-то известно, как будто она знает что-то такое, чего я не знаю. И смотрит так, будто прячет улыбку. Неприятно так смотрит. То ли смеется, то ли нет. Непонятно. То ли веселится, то ли играет. Да вы знаете, как женщины умеют так смотреть. Знаете? Вот этого я не выдержал. Этого вопроса не выдержал. Она дамкловым мечом всю жизнь надо мной висела! Просто вот здесь, – он подержал над головой ладонь. – Мне даже изменять ей было сложно. Она словно всегда меня видела, подсматривала откуда-то сверху. Просто куда ни идешь – она тоже здесь. И в этот вечер я не выдержал! – Ему явно нужно выговориться. – Вы могли бы жить, если бы за вами все время наблюдали? Смогли?

Я пожимаю плечами. Не удивляюсь, не радуюсь, не разочарываюсь. Я просто продолжаю наводить порядок в баре.

– Вот так я и ушел. Трое детей. Тринадцать лет вместе. Тринадцать.

Я киваю, чтобы закончить разговор. Ничего не нужно объяснять. Сколько я слышала таких историй.

– Женщинам хорошо, никакой ответственности. Они не работают, – он помолчал. – Ну, или работают, как вы. Но это же несерьезно. Ну что вот у вас здесь, в баре, – открыл-налил, открыл-налил – никакой ответственности. Разлил, вытер, помыл, запер, сдал и ушел. Знаю я эти работы.

Он пьянеет и начинает злиться.

– Вы нас только ограничиваете. Сначала, когда мы влюбляемся, вы отвлекаете нас от дела. Потом, когда уже не влюблен, вы отвлекаете нас от всей жизни.

Он размахивает руками и чуть не опрокидывает бокал. Вино в нем перекачивается из стороны в сторону, оставляя на стекле маслянистый след.

– Вы в принципе делаете все, чтобы превратить мужчину из человека опять в животное. – Сердито стряхивает что-то с рукава. Поправляет галстук. – А все оттого, что вы, бабы, заставляете нас с самого начала играть в игру, о которой мы ничего не знаем, – ни гребаных правил, ни количества участников, ни даже размера призового фонда. Ни выиграть невозможно, ни выйти из игры. А мы на это ведемся, потому что в момент начала всей этой галиматии мы уже не люди. Получается замкнутый круг. А нам на самом деле не нужно на все это обращать внимание. Нужно сразу объяснить: в эти игры играть не буду, и животным становиться – тоже. Даже не рассчитывайте. И вообще, нужно всем прекратить лгать. Говорить ровно то, что имеешь в виду в этот самый момент.

Он неожиданно встает. Подходит ко мне очень близко, одной рукой цепляясь за барную стойку.

– Ебаться будем?

Хлопок пощечины в пустом зале – как звук выстрела. Хорошо, что он держался за стойку, иначе обязательно бы упал. Его щека белеет, а потом так же быстро становится пунцовой. Он кивает, разворачивается и уходит. У самых дверей на стол швыряет деньги.

То, что сейчас случилось, – продолжение полосы моих провалов. Видимо, совсем сдали нервы. Как я могла такое себе позволить? Одно его слово – и все полетит к чертям собачьим. Теперь может быть что угодно. Иск в суд. Письмо. Пост в интернете. Что угодно. Мне нужно было просто вызвать охрану. А сейчас – если он захочет, он может с легкостью разрушить все то, что я выстраивала много лет. Недопустимое поведение. Глубокий вдох – выдох, вдох – выдох, вдох – выдох. Все будет так, как должно быть. Вдох, вдох, вдох, – выдох, выдох, выдох.

Запираю бар, ухожу к себе. На стойке сообщают, что в двести шестнадцатом трубку так никто и не берет. Дежурная теперь барабанит пальцами по стопке буклетов. Название отеля написано тонкой вязью и плохо читается на сером фоне. Не забыть в следующий раз заменить шрифт на другой или поменять цвет. Делаю пометку у себя в календаре.

– Какая заполняемость сегодня – резерв есть?

– Есть.

– Тогда просто наберите еще пару раз в течение получаса и свяжитесь со мной.

Смотрю на часы и заворачиваю в офис. Дверь широко открыта. Значит, кто-то меня там ждет. Так и есть. Знакомое лицо. Это администратор отеля через дорогу. Такое ощущение, что если он сегодня и спал, то совсем мало и в одежде – такой он мятый, а под глазами темные круги. На мое приветствие отмахивается.

– У нас вчера произошел несчастный случай. А мы только два дня назад уволили юриста.

– Так.

– В нашем бассейне утонул ребенок. Мать отошла на пять минут, оставив мальчика одного, а когда вернулась, было уже поздно. Похоже, что он потерял сознание и упал в воду. Первую помощь ему пытались оказать работники отеля, но, наверное, было слишком поздно.

– ребенок погиб. Матери в этот момент рядом не оказалось. А детей одних в этом возрасте оставлять в бассейне запрещено.

Он вытирает пальцами подбородок.

– Так что, как конкретно это произошло, будет выяснено в ходе следствия.

Закрывает глаза и пальцами сильно на них давит. На это неприятно смотреть, кажется, что они вот-вот лопнут и потекут.

– Конечно, мы надеемся на данные с камер видеонаблюдения, – он замолкает и мелко дергается.

Наливаю ему воды. Слышно, как о стекло стучат его зубы.

– У нас ведь даже есть жилеты безопасности. Все требования. По логике вещей, виновата в случившемся мать. Но полицейские и следователи пока весьма осторожны. Они намекнули мне на то, что не уверены, насколько правильно ребенку оказывали первую помощь. То есть они могут все списать на нас. На отель. Говорили даже о временном закрытии. А моя главная задача – продолжать работать в прежнем режиме. У нас в это время отличная заполняемость. Если я допущу даже временное закрытие, мне придется искать другую работу. – Он вздыхает и ставит стакан на стопку бумаги. – В общем, нам нужен опытный юрист. Мне говорили, у вас именно такой.

Я всегда считала, что нужно производить потомство и тут же умирать. Потому что, если потом с этим потомством что-то случается, начинается ад. Настоящий, вселенский ужас.

– А как мать ребенка?

– Она в состоянии шока.

– У нас есть успокоительные средства. И хороший врач.

– Спасибо, у нас это все тоже есть, мы только не вовремя уволили юриста.

– Она все еще в отеле?

– Да. Она не хочет съезжать. Ей оказывают психологическую помощь. Доктора опасаются, что после потери сына она может покончить с собой. Говорит, пока не поймет, как это произошло, никуда не поедет. Вызвали родственников. Теперь ждем. Они, я думаю, помогут. Она не верит, что он просто упал. Она хочет знать. А причину его смерти назовут только по результатам вскрытия тела и судмедэкспертизы.

Я переписываю ему координаты нашего юриста. Могла бы просто дать карточку – но ему сейчас хочется участия. Он уходит медленно, чуть сгорбившись. Провожая его глазами. Там, где начинается шейный отдел позвоночника, у него появилась шишка, и в осанке – что-то от старика.

Звоню по поводу двести шестнадцатого.

– Все еще не отвечает? Что с ключом? Проверяли? Сейчас буду, пригласите также плотника с дополнительным ключом.

Возле двери уже возятся. Наконец открывают. Видно, что в коридоре на полу в беспорядке валяются мужские вещи.

– Никому пока не заходить. Пригласите еще портье.

В коридоре остаются ждать горничная и один из менеджеров.

Вхожу в номер. Дверь в спальню закрыта. На всякий случай стучу. В кровати под одеялом кто-то лежит, на обращение не откликается. Осторожно откидываю одеяло. Мужчина лежит на боку – головой в подушку, перекрещенные руки вытянул перед собой так, что кисти свисают с матраса. Словно тянет руки вперед, чтобы их связали. Кожа светло-серого цвета. Он мертв. Даже уже не теплый.

Я набираю полицейским. Они не должны были далеко уехать. Два вызова в день – такого у нас еще не было. Запираю дверь. Отсылаю горничную. Оставляю менеджера у дверей. Посылаю на склад портье. Для таких случаев у нас есть специальная кровать – какую ставят для детей или

для дополнительных гостей. Она на колесах, неширокая, довольно глубокая, у этой кровати двойное дно. В ней можно из комнаты, не привлекая внимания, вывезти все что угодно, не только труп. Конечно, после того как полиция разрешит. А то, что кровать везут трое, мало кто сочтет странным. Кровать выкатывают через запасной выход, где ее уже забирает специальная служба. Так мы не пугаем своих постояльцев. Вот и самим понадобился юрист.

Сегодня я в сто тридцать седьмом. Двигаю стул к стене. Туда, где наверху – решетка кондиционера. Отверткой выворачиваю три шурупа по углам. На четвертом она криво повисает. Так. Отлично. Для техника это поправить – дело двух минут. И объясняет, почему номер на ночь был заблокирован. Оставляю сообщение техникам о сломанном кондиционере.

Готовлю лед. Достаяю из Бэтмена жгут. Перетягиваю над локтем. Можно, конечно, и без этого, но я уже привыкла – я делаю каждый день одно и то же и не собираюсь это менять. Стучу по шприцу ногтем, выпускаю из него воздух до появления капельки. Протираю сгиб локтя. Втыкаю шприц в вену, ввожу жидкость. Протираю место укола, потом прикладываю лед. Уж очень большой синяк. Конечно, я никогда не хожу в одежде с коротким рукавом, у меня вообще нет никакой одежды, кроме моей униформы. У меня есть три комплекта гостиничных костюмов: блузку я меняю каждый день, а юбку и пиджак – два раза в неделю. Всё чистят и гладят здесь, в отеле. Мне ничего, кроме вещей из голубой сумки ВВС США, не принадлежит. Ничего. Так, теперь быстро лечь. Сейчас я наконец начну жить. Жить по-настоящему. Закрываю глаза.

Я должна их найти. Дом, заросший диким виноградом. С трудом нахожу входную дверь. За ней тянется коридор. Заглядываю в комнаты. Вот столовая, там за длинным столом сидит мужчина в белом костюме. Перед ним стоит тарелка со спагетти. Мужчина вилок цепляет макаронную петлю и, уткнув вилку в ложку, начинает накручивать. На вилке растет макаронный клубок, она крутится и крутится – клубок растет и растет, а макароны все не заканчиваются. В тарелке почти не убывает, а моток на вилке уже с грейпфрут. Человек продолжает крутить. Устал, но крутит. Смотрю на вилку, потом на руку, которая эту вилку держит, и вижу, как вся его рука закручивается от пальцев до самого плеча. Наконец в тарелке – пусто, а на вилке – огромный клубок. Человек сидит над пустой тарелкой, уставившись на скрученную руку. У него синее лицо и маленькие глазки.

Иду по коридору дальше, в следующей комнате толстяк встает с кровати. В комнате темно, с трудом различим его силуэт. Он вскидывает вверх руки – вытягивается, потом обмякает. Подходит к окну, шарит по стене, находит шнур, тянет вниз, поднимает тяжелую штору. Комнату заливают лунный свет, проходит сквозь толстяка, как через огромное сито. На стене за ним – тень в горох. Дырявый оборачивается ко мне.

– Я астронавт, я как дуршлаг пробит ионами. Вы думаете, это не больно? Меня забыли на орбите, и я пробыл там три срока вместо одного. Я этого так не оставлю.

Еще одна комната, в ней балкон с чугунной оградой. Пол завален сухими листьями. Упираясь руками в ограждение, спиной ко мне стоит женщина в белье, черная застежка лифчика перечеркивает спину. Трусы розовые в цветок, детские. Ей холодно – у нее гусиная кожа. Женщина ежится, поворачивается ко мне и говорит фиолетовыми губами:

– Осень.

– Идите в дом. Здесь теплее, – слышу себя со стороны.

Она кивает, но не уходит.

– Я здесь сторожу осень. Если я уйду, ее пропустят. Пропустят осень.

Слова подхватывает ветер и уносит вместе с мной, через балкон, к дому в шесть этажей, в венах труб и в маленьких окнах. Краска на фасаде совсем свежая, не везде просохла, а в

самом низу человек, стоя на коленях, докрашивает последний угол. Сколько он трудился – неизвестно. Думаю, очень долго, скоро он будет свободен и несчастлив. Лечу дальше, за домом земля обрывается в пропасть – и слышно, как внизу плещется вода. У самого края мужчина развел в стороны руки. Похож на отца. Подлетаю ближе.

– Папа! – кричу я, но он уже прыгает вниз.

Тело медленно всплывает спиной вверх. Нет, это не его затылок. И вообще он весь сделан из бумаги, плоский, рисованный персонаж из мультфильма. Вода качает его неровный силуэт.

Разворачиваюсь и попадаю в толпу. Люди собрались вокруг лежащей на земле девушки. У нее мокрое, бледное лицо, волосы волнами. Упала, и некрасиво задралось платье. Под ним – полосатые трусы, и все уставились на эти трусы. Платье никто не поправляет – стоят и пялятся. Отворачиваюсь и отхожу. Впереди дерево, но листьев на нем нет. Только крепкие ветки. Если перевернуть картинку – ничего не изменится. Ветки – это корни в небе. А для всех живущих под землей – кроны именно там. Там все будет ужасно. Ровно так, как ты не хочешь. Задираю голову наверх. Лишь бы не видеть эту землю. Но и небо плоское.

Захожу в церковь. В проходе между рядами скамеек стоит наполовину открытый гроб, там, в цветах, – лицо. Алебастровое. На губах – улыбка. Вдоль стен стоят люди. Большинство – парами и даже с детьми. Глаза всех устремлены на гроб. Все так напряженно всматриваются в лицо умершего, словно ждут его пробуждения. Но при этом никто к нему не бежит, за плечо не трясет, в ухо не кричит, не тербит руку. Душно, пахнет канифолью, выхожу на улицу – там все погрузилось в ночь. Ночь – это когда небо темнее земли.

Вдали проявляются огни дома. Четыре оранжевых квадрата. Таких знакомых. Быстрее туда. Я приближаюсь, они растут, и вот уже видно в одном из них накрытый стол – за ним отец, мама, сестра. Отец что-то рассказывает, сестра смеется, а мама машет ему: мол, брось ты. Скорее к ним. Бегу изо всех сил. Но, как ни стараюсь, все на одном месте. А дальше окна становятся все меньше и меньше, а расстояние между нами увеличивается. Бежать тяжело – трава все выше и выше. Путается, волнуется, перекачивается волнами, хотя нет никакого ветра. Среди травы стоит большая эмалированная ванна. В ней голая женщина. Она пытается выбраться, но поскользывается и бьется о край затылком. Ванна, хотя и белая, все равно темнее луны. Женщина в ванне – это я. Мне холодно. Вода течет по лицу. Болит коленка и голова. Глубоко вздыхаю, вода заливается мне в нос и рот. Я кашляю и просыпаюсь.

Что это? Я действительно в ванне. Из душа на меня льется вода. Ничего не понимаю. Кто-то поднимает меня, подхватывает за подмышки. Вытаскивает, ставит на пол и накидывает халат. Так теплее. Подходит та самая милая горничная с полотенцем, вытирает мне волосы, берет под правую руку, а тот, кто был сзади, – под левую. Теперь я вижу, второй – это долго-вязый техник. Они ведут меня к кровати, укладывают. Какой, интересно, это номер? Да не все ли теперь равно?

– Принеси из ресторана что-нибудь поесть, – у горничной хриплый голос. Раньше я этого не замечала.

Техник уходит.

– В сто тридцать седьмом, в моей сумке, есть пузырек. В нем розовые таблетки. Принесите их, пожалуйста. Мне сейчас нужно выпить две.

Горничная уходит и скоро возвращается. Подает мне стакан, смотрит тревожно. Хочу у нее спросить, как я оказалась здесь и что случилось, но не решаюсь. Она смущена и напугана. Интересно чем? Лучше спросить сейчас, пока мы с ней вдвоем.

– Что произошло?

Она начинает плакать.

– Говорите.

– Позвонил один из постояльцев. Из бара.

– Когда?

- Часа полтора назад.
- И?
- Он проходил мимо и услышал, как кто-то поет. И зашел. Потому что пели странно.
- И что?
- Там пели вы.
- Я?
- Вы.
- Я только пела? Или...
- Да, вы просто ходили и пели. И были... Без всего, – она густо краснеет.
- Я была без одежды?
- Да, – она кивает. – Но мы быстро отвели вас в номер.
- Мистер Холден знает?
- Знает. Ему позвонил дежурный администратор.
- Понятно.

Значит, об этом знают все.

- Мистер Холден просил вас позвонить, когда вы придете в себя.
- Спасибо. Я в порядке. Теперь. Идите, у вас, я думаю, много работы.

Но она не уходит.

- Могу я вам чем-нибудь помочь?
- Нет. Спасибо. Вы уже помогли.

Она кивает и идет к дверям.

- Извините!

Она оборачивается.

- Это было очень страшно?
- Что?

– Ну, все это зрелище.

Она отвечает не сразу.

- Вам нужно отдохнуть.
- Да. Спасибо.

Долговязый заносит молоко, хлеб и тоже уходит.

От таблеток становится легче. Звоню Холдену.

- Как ты? – он очень вежлив.

– Извини меня, Ирвин, – я впервые называю его по имени. – Давай обойдемся без формальных вопросов. Могу я тебя попросить об одном? Не держи на меня зла. Я не могу тебе ничего объяснить. Я знаю, что увольнение неизбежно, и просто говорю тебе – спасибо.

– Может, ты просто возьмешь отпуск, отлежишься дома, и мы потом поговорим? Я могу дать тебе недели две.

- Нет.
- Почему?
- У меня нет дома.
- Я почему-то так и подумал. Сколько лет ты живешь в отеле?
- Пять.
- Давай мы положим тебя в клинику.
- Зачем?
- Чтобы ты перестала *это* делать.
- Я не хочу.
- Ясно. Куда ты пойдешь?
- Не волнуйся за меня.
- Это значит “я не знаю”?

– Это ровно то и значит, что не волнуйся, это не твое дело.
– Ну зачем ты хамишь?
– Иначе ты не отстанешь, я очень хорошо тебя знаю.
– Я тоже думал, что хорошо тебя знаю.
– Ирвин, мы же договорились.
– Зарплату за месяц перевести как обычно?
– Не нужно. Мне приходилось кое-что выводить из строя, пусть это будет возмещением.
– Для чего? Чтобы блокировать номера?
– Ты всегда был умным.
– Деньги переведу. И все же предлагаю тебе дождаться меня. Может быть, мы что-нибудь придумаем.

– Я уже все в своей жизни придумала и ничего не буду менять. Можно, я возьму один свой костюм?

– Можно. Можешь взять все, сколько их там твоих, – таких худых, думаю, больше не найдется. Когда ты последний раз выходила из отеля?

– Три года назад. Примерно.

– Три года?

– Три года, Ирвин.

После этого я вешаю трубку, потому что я сказала все, что хотела, а после этого начнутся только вопросы. А мне они ни к чему.

На станции объясняют, что это часа три на автобусе – недалеко. Чаевых, оставленных наглым типом из бара, как раз хватит на билет в один конец.

В автобусе утыкаюсь виском в холодное стекло. Мимо мажется городской пейзаж. У кого-то звонит телефон. Эта мелодия была у меня когда-то давно. С нее начался тот самый разговор с сестрой.

– Это я. Скажи мне, только прошу тебя, не ври. Ты знала, что я тебе не родная? – Голос сестры был чужим. Высокий и злой.

– Знала.

– И как давно?

– Мне было лет восемь. Да, точно, восемь.

– Они тебе рассказали?

– Нет, я подслушала разговор.

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Сначала я не поверила.

– А потом?

– А потом боялась. Они же не рассказывали. Значит, тебе знать не полагалось.

– Не полагалось?

– Ну чего ты на меня-то злишься. Я тоже расстроилась, когда узнала.

– Расстроилась. Почему?

– Ну не знаю.

– Решила, что я теперь тебе не родная, да?

– Нет. Просто странно.

– Что странно? Наверное, решила, какая-то проститутка под забором родила и в вашу семью подкинула? Да?

– При чем тут проститутка?

– А кто еще? Кто еще детей своих бросает? Скажи, кто?

– Никакая не проститутка. Там была большая семья из деревни.

– Из деревни?

– У них уже было семь девочек. Представляешь, семь. И, когда жена опять забеременела, они надеялись, будет мальчик. И действительно родился мальчик. И девочка. Двойня, понимаешь? А у наших родителей тогда не получалось вообще никаких детей. В общем, договорились и забрали девочку прямо из больницы. Ее муж так ничего и не узнал. Заплатили – все молчали.

– А ты откуда это все знаешь?

– Это мне уже позже рассказали.

– Кто?

– Мама.

– Да врете вы всё. А тебя откуда взяли, если у них не получалось?

– А потом получилось. Причем очень быстро.

Она начала скулить в трубку, и мне пришлось ее одернуть:

– Лучше бы я была не родная. Мне все равно.

– Тебе легко говорить. Ну вот объясни мне, почему все знали, кроме меня?

– Папа был против. А после того как его не стало, мама боялась.

– Чего?

– Не знаю. Все ее уговаривали, а она боялась.

– Боялась? – Сестра опять замолчала, а потом заговорила строго. – Ну ладно. Нужно как-то дальше жить.

– Что значит – как-то? Что изменил ось-то? – Я не знала, как ее успокоить.

– Знаешь, многое. Так не поступают.

– Ты их благодарить должна. Неизвестно еще, что было бы, если б не они. А потом, если ты хочешь, можно в эту деревню поехать. Если хочешь их всех увидеть. И брата.

– Может, ты еще прикажешь мне туда переехать?

– Нет. Совсем нет. Просто, может, тебе интересно?

– Ни фиги мне не интересно на этих деревенских смотреть, что своими детьми торгуют.

Она бросила трубку. После этого разговора у сестры все пошло наперекосяк. Началась наркота, а потом она просто вышла в окно.

Почему так все случилось? Была семья, а потом вдруг – раз, вытянули спицу, и все посыпалось. Сначала папа, потом мама, а за ними сестра. И не осталось ничего, за что можно держаться.

Улица в платанах. В пятнистых стволах. Сколько же здесь звуков. И запахов. Бесконечное море запахов. Осень всё высушила, зима заморозила, а весна возвращает. Номер дома вбит в камень бронзовой татуировкой. От ворот к крыльцу дорожка, вокруг нее кусты полосатой хосты. У дверей фонари и цветы в горшках. Ставлю сумку на землю, нажимаю на кнопку звонка. Долго не отвечают, но потом знакомый женский голос, то ли утвердительно, то ли вопросительно:

– Да.

– Извините. Вам это покажется странным. Мы говорили с вами в гостинице. Там, где останавливался ваш сын Фрэнсис. Фрэнсис Финли.

– Да.

– Я там работаю. Вернее, работала. Кажется, у меня проблемы. Не знаю. – Перевожу дыхание. – Извините, что приехала сюда. Но мне некуда идти. Та жизнь, которая у меня была, – ее больше нет. Я есть ровно то, что я есть. У меня нет никаких убеждений, нет семьи и дома. Я променяла все это на свободу. Но оказалось, это лишь умение искажать действительность доступными средствами. Я не знаю, во что верю и зачем живу. Не знаю, что мне делать дальше: все, с кем я могла бы поговорить, – их нет. Вы первый человек в моей жизни, способный жить рядом с иным человеком без попыток его изменить.

Замолкаю. Жду. На том конце ничего не происходит – просто тишина. Меня не прогоняют, но и не впускают. Смотрю на гальку под ногами, потом на дорогу – утро сегодня мороз-

ное, по земле ползут туманные клочья: небо ночью прилегло на землю, а теперь неохотно встает с насиженного места. Хочу позвонить еще раз, но не решаюсь, забрасываю сумку на плечо, чтобы уйти, и тут в домофоне что-то щелкает раз, другой, ворота вздрагивают – и медленно открываются.

Номер с видом на озеро

Жизнь прекрасна. И мне плевать, что это неправда.

Вдруг хватились – глаженных наволочек в шкафу больше не было. Старшая горничная побежала в прачечную. Постояльцы из зеленой комнаты так долго провозились с багажом, что задержали всех, и на уборку к приезду новой гостьи почти не осталось времени. В помощь уборщицам была послана пучеглазая бухгалтерша, в номере долго гремел пылесос, передвигали мебель, над кроватью парусами взлетали простыни. Из сада принесли нарциссов, разложили на столе свежие газеты, меню ужина, на прикроватные тумбочки поставили бутылки с минеральной водой. Успели.

В столовой закончили накрывать к обеду, когда в прихожей прозвенел звонок. Дверь открыл дантист – он только что вернулся с прогулки и еще не успел раздеться. На крыльце стояла высокая худая женщина в черных очках, с чемоданом в одной руке и мобильным телефоном в другой. Очки подчеркивали ее бледность, длинные рыжие волосы были собраны на затылке в узел, он растрепался в дороге и одна прядь упала на плечо золотым эполетом.

– Здесь нет сигнала, – сказал дантист, указывая пальцем на ее телефон, и жестом пригласил женщину внутрь. – Поэтому здесь так хорошо. Здравствуйте.

Она кивнула в ответ, убрала телефон в карман, несколько раз шаркнула туфлями по жесткому ковру и шагнула в дом.

Обед начали вовремя, говорили о море информации, что выливается ежедневно на каждого, и только далекие от цивилизации места дают человеку возможность перевести дух и подумать о смыслах. Потом расспрашивали вновь прибывшую, добились немногого – неохотного объяснения, что она писательница и приехала сюда, чтобы закончить роман. Родом она из России, вот почему у нее такие высокие скулы. Пишет она от руки, в тетрадках, романы у нее большей частью печальные, а семью она не заводит – не терпит разочарований.

За столом их было шестеро. Хозяйка отеля, она же и управляющая, смешливая женщина, разменявшая шестой десяток, обожала гостей и долгие разговоры о сущности вещей. Была она еще вполне привлекательной и только иногда, во время еды, горбилась, наклонялась к тарелке, у нее исчезала шея, полная грудь поднималась к подбородку, загривок по-старушечьи круглел. Она лет десять как разведена, но не унывала, а приучила себя смотреть на жизнь с оптимизмом. Рядом с хозяйкой сидел ее сын – субтильный бледный подросток с высоким лбом, тенями под глазами и недоразвитой челюстью. В разговоре мать упомянула, что сын любит оперу и совсем недавно заставил ее поехать в Лондон на премьеру генделевского “Ринальдо”, но в это мало кто поверил. На вид парню было лет пятнадцать, хотя на деле он был старше, уже закончил школу, занятия себе не нашел, жил здесь, в отеле, и никто никогда не видел, чтобы он чем-нибудь занимался. Когда говорили о нем – сидел не поднимая глаз, словно не слышал.

Кроме писательницы и дантиста, в отеле гостила еще одна пара: крупная блондинка из Гамбурга, владелица сети химчисток, и ее молчаливый супруг, которого она называла Ади.

К десерту разговоры за столом совсем поскучнели. Немка терзала дантиста вопросами о разнице между ревматоидным и инфекционным артритами, а хозяйка объясняла Ади причину популярности ислама в Западной Европе, особенно в Германии. Не дождавшись десерта, рыжая, сославшись на усталость, ушла к себе и пробыла в номере до самого ужина. На аперитив выйти отказалась, объяснила это тем, что недавно перенесла грипп, до сих пор принимает антибиотики и совсем не пьет.

Стены в ее комнате были выкрашены в цвет теплого шартреза, такого цвета бывают еще неспелые груши. На дверях висела табличка с неизвестным словом *Ichrachan*, комната была просторной и окнами выходила на озеро Лох-Эйв. Письменный стол придвинули к самому

окну, и в перерывах между работой рыжеволосая могла любоваться садом, водой и цепью покатых гор.

Весенние дни в графстве Аргайлшир радовали коротким теплом, но вечером вялое солнце скрывали облака, и озеро превращалось в лужу расплавленного олова. Воздух наполнялся металлом, покрывал все голубой пылью – и дальние островки на воде, и валуны, поросшие мхом, и даже шапки нарциссов, цветущих слишком поздно этой шотландской сырой весной.

Через пару дней рыжую уже не ждали на аперитив в библиотеке, начинали без нее, и она спускалась позже, к самому ужину. Ей перестали задавать вопросы – все равно от прямых ответов она уходила – и скоро пришли к заключению, что она странная, задается, ее снобизм нельзя списать на замкнутость и, если бы не неудобство, она могла бы сойти за красавицу.

Большую часть времени рыжая работала у себя в комнате, хотя специально для нее на террасу выставили стол со стульями. Выходила она гулять только перед ужином. Повсюду вдоль дорожек цвел белый алуссум, наполняя воздух медом, на клумбах у центрального входа распустились азалии, на газонах цвели фиалки, маргаритки и дикий шиповник. Всюду были проложены прогулочные тропинки – и вокруг озера, и вдоль изгиба реки с каменным мостом, и через поляну с растущим посередине плакучим вязом. За поляной начиналась рябиновая роща, а за ней пряталось заросшее кладбище в четыре могилы.

Рыжеволосая часто отдыхала у одной из них, на скамейке из поседевшего дерева. Здесь росли самые крупные нарциссы, их колокольчики отчаянно тряс ветер, словно звал на помощь прислугу. Могила была двойной, в ней были похоронены мужчина и женщина, с общей датой рождения и смерти, умершие в тридцать лет. На надгробном камне была эпитафия: “Здесь все, что нам нужно”.

Посидев у могилы, обычно шла дальше – туда, где стеной стояли мшистые сосны, сплетенные корнями. Идти было сложно, приходилось перешагивать через чешуйчатые узлы. У дальнего луга прогулка заканчивалась – у дороги, что начиналась за лесом, вот уже несколько дней висела табличка: “Осторожно. Стреляют. Идет охота”.

Она спала с открытыми окнами, ей снились удивительные сны – про королевство живых лотосов, куда ее относит синий журавль, а император всего Сиама кормит ее медовыми ягодами и увозит в плетеной пироге в жаркий город с базарами и белозубым народом.

После таких снов просыпаться было приятно, по телу еще долго гуляло любовное электричество. Рыжая принимала ванну, ей казалось, что вода пахнет водорослями и йодом, за окном качаются зеленые волны, а цветы утесника – желтые блики в травяном океане.

Тихо и спокойно прошли почти две недели. Началось все с грозы. Озеро всю ночь сверкало мятой фольгой, в небе кривлялись молнии, ветер швырялся всем, что попадалось под руку, и только к утру все стихло.

Завтрак прошел без происшествий, дантист рассказывал про свою красавицу дочь, а когда хозяйка, в шутку, назвала ее “нашей невестой”, захохотал, отводя глаза от бледного юноши. Хозяйка поджала губы и больше принципиально на дантиста не смотрела. Подросток никак не отреагировал – мать так часто упоминала о его слабом здоровье, что, казалось, сил его организма не хватает даже на собственное мнение.

Когда принесли кофе, она все же обернулась к обидевшему ее соседу.

– Скажите, это ваша сумка с клюшками для гольфа стоит у стены в прихожей? – Хозяйка приподняла одну бровь.

– Да, моя.

– Ну и совершенно напрасно вы ее туда вынесли. Вы что, не слышали, что было ночью?

– Я слышал дождь. Но, думаю, скоро все подсохнет.

– Как бы не так. Лужи будут повсюду дня два как минимум. Здесь в почве очень много глины. Поэтому здесь так спокойно.

– Что вы имеете в виду?

– Глина забирает из нас негативную энергию, а наполняет накопленной энергией солнца, воды и космоса. И не говорите, что вы этого не знали.

Дантист пожал плечами, а хозяйка продолжала:

– Так что сегодня в гольф нельзя, да и гулять по парку можно только в резиновых сапогах. И еще, видимо, где-то на провода повалило дерево. Телефоны молчат. Но электричество есть. И это большой плюс.

– Что? Вы не знаете, как быстро починят телефонную линию? – Рыжая словно проснулась.

Даже равнодушный ко всему подросток поднял на нее глаза.

– Не знаю. Обычно не более часа, долго мы без связи не сидим. Так что до обеда все точно восстановят. А вам что, нужно позвонить?

– Да, мне нужно сделать важный звонок. И обязательно сегодня.

– До обеда все наладят. Провода здесь рвутся довольно часто. – Хозяйка опять обратилась к дантисту: – Скажите, когда здесь наконец закопают всё под землю, чтобы не рвалось и не портило нам восхитительных пейзажей? – Дантист считался знатоком этого края, сам жил неподалеку и отдыхать приезжал на Лох-Эйв.

– Раньше закопают нас. – Дантист засмеялся, показывая прокуренные зубы.

– Господи, ну что вы такое говорите.

– То есть позвонить невозможно? – Рыжеволосая хмурилась и что-то просчитывала в голове.

– Пока нет. Но вы не волнуйтесь. Я уверяю вас, – скоро все восстановят. – Хозяйка встала и одернула на бедрах тесное платье. – А чтобы не скучать, я распоряжусь, чтобы в гостиную подали сыра и вина, – и всех милости прошу.

Гостиная была уютной, несмотря на внушительные размеры, – терракотовые стены наполняли пространство теплом, в торцах, друг напротив друга, зевали мраморные камины, в высокие окна были видны сад, тающие у горизонта горы и небо, после грозы набирающее синеву. Во всех вселилась тихая грусть, которую, полагалось, развеет вино. Даже рыжая согласилась посидеть со всеми, но не оттого, что неприятности сближают, – ей просто казалось, что здесь она узнает быстрее о том, что связь наладили.

Заговорили о воспитании. Хозяйка рассказывала про жизнь с сыном, все время говорила «мы» и, когда договорилась до того, что они никак не могут выбрать то, чем хотят заниматься, дантист взмолился:

– Да пусть ваш сын занимается, чем захочет, в конце концов. Это же его собственная жизнь и его собственный выбор!

– Но он хочет – химией!

– И что?

– Ну какой из него химик? Что, я его не знаю? Я вас умоляю! Ну какой он химик!

– Вы действительно думаете, что все родители знают, как жить? Считаете, что мы сами живем точно так, как хотели бы? То есть, по-вашему, человеческие особи, достигшие определенного возраста, автоматически начинают все знать и понимать?

Ади захихикал, и жена строго на него посмотрела. В Гамбурге их ждали две дочери. Дантист с сожалением глянул на пару и продолжал:

– Ужасно, когда родители считают, что дети должны воплотить их собственные мечты. Это рано или поздно приведет к взрыву. Или к гибели. – На это хозяйка поджала губы, посмотрела на часы и ушла, скрывая возмущение.

До обеда связь так и не восстановили. Дантист уехал на своей машине попытать счастья в гольф-клуб и решил остаться там до ужина. Без него обед прошел тихо, но рыжая решила больше не ждать, а отправиться куда-нибудь, где есть работающий телефон. Спросила

у хозяйки, куда для этого можно поехать, но та опять отговорила ее. Мол, такое у них случается, но всегда исправляют очень быстро. Машина отеля, к сожалению, в ремонте, а пешком в ближайшую деревню все же далеко. Вот-вот все починят, и совершенно не нужно волноваться. Можно было бы, конечно, вызвать такси, но опять-таки для этого нужен телефон. Какой-то заколдованный круг.

Но и через два часа ничего не наладили. Хозяйка пыталась уговорить ее подождать до завтра, но рыжая решительно собралась идти. Хозяйка, чувствуя свою вину, предложила сына в качестве провожатого. Он нехотя согласился – вернее, просто кивнул и пошел взять кое-что из одежды. У выхода хозяйка заставила их надеть резиновые сапоги:

– После такого светопреставления везде непролазная грязь.

До паба “Корона и роза” шли часа полтора. Там рыжеволосая наконец поговорила с редактором, тот был не строг, и сдачу рукописи перенесли еще на две недели. Она повеселела и заказала себе полпинты местного эля. Сын хозяйки тоже куда-то звонил, и она впервые увидела, как он смеется. Народу в пабе было на удивление много, по углам пьяно переругивались.

Обратно вышли уже в сумерках. По пути им попался только старик с седой собакой. После рапсового поля вошли в темный лес, где от сырости все поросло мхом: земля, камни, стволы и даже тонкие ветки ракитника. Тропинка свернула к ручью, в нем по черным валунам пузырилась вода цвета чая, а вдоль берегов блестели кусты жирной болотной травы. Птицы замолкли, под ногами мялась плотная губка мха, скрипела хвоя, и вдруг издали раздался свист, потом топот, хруст веток и сиплый крик: “Стоять!” Потом кричали вразнобой, зло, неприятно. Рыжеволосая обернулась – к ним бежали пятеро молодых людей в охотничьих костюмах, с ружьями. Она успела только подумать, что это ради них перекрыта дорога в луга, как один из них громко выругался, оглушительно грохнуло, и фонтаном взметнулись земля, листья и щепки веток, а потом грохнуло еще раз у самых ее ног. Дальше все смоталось в клубок из выкриков, ругательств, стрельбы и страха, обычного человеческого страха.

– Раздевайтесь! Оба! – Только это можно было понять из визга на неразборчивом диалекте, вперемешку с дурным хохотом. – Быстро!

Они швырнули ее провожатого на землю, он вскочил и даже замахнулся детскими кулаками, но его ударили еще раз. Когда же подняли руку на рыжую, он торопливо начал раздеваться.

– Быстрее, ты чего смотришь! – заорал самый крупный.

– Что вы делаете? – бессмысленно кричала она сорванным голосом. – Прекратите немедленно!

Сын хозяйки опять попытался ввязаться в драку, но после очередного пинка упал на колени и закрыл руками голову. Кто-то опять выстрелил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.